

**Электронный
экономический вестник
Татарстана № 2 (апрель -
июнь 2026 года)**

ISSN 2224-8331

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-89676 от 23.06.2025

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Карла Маркса, д. 23/6, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Обособленное структурное подразделение
«Центр перспективных экономических исследований Академии наук РТ»
Тел.: +7 (843) 238-79-35

<https://eehacrt.ru>

e-mail: c.p@tatar.ru

Сетевое издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=32612

Материалы сетевого издания доступны по лицензии Creative Commons
“Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2026

© «Электронный экономический вестник Татарстана», 2026

Оглавление

I. ПРОГНОЗЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ.....	4
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРКОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	4
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕПОЧЕК ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	17
КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА, ИЗМЕНЯЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	27
II. МЕТОДОЛОГИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ	41
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ВЫЗОВЫ И МЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	41
РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ДОЛГОВОЙ АКТИВНОСТИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	55
III. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА.....	70
ЦИФРОВАЯ РЕНТА В ЭКОСИСТЕМАХ ПЛАТФОРМ: ТИПОЛОГИЯ, МЕХАНИЗМЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА	70
ЦИФРОВИЗАЦИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРАКТИК ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ	88
IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ.....	103
МИГРАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И СЦЕНАРИИ	103
ПОЛНЫЙ ЦИКЛ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ	117

I. ПРОГНОЗЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРКОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

И.А.Савельчев¹

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Для цитирования: Савельчев И.А. Современное состояние и развитие промышленных парков Республики Татарстан // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 4–11.

Предметом исследования является современное состояние, динамика развития и экономическая роль промышленных парков Республики Татарстан как элемента региональной промышленной и инвестиционной инфраструктуры. Цель работы состоит в оценке состояния промышленных парков региона, выявлении основных тенденций их развития и определении значения для промышленного роста, привлечения инвестиций, размещения производств и создания рабочих мест. Методология исследования основана на системном и сравнительно-аналитическом подходах; применены методы анализа статистических данных, обобщения, сравнения, динамического анализа, табличной систематизации и интерпретации социально-экономических показателей. Информационную базу составили данные о промышленном производстве Республики Татарстан, количестве промышленных парков, уровне их заполняемости, численности резидентов, рабочих местах, объеме производства и налоговых поступлениях. Установлено, что за 2016–2025 гг. объем отгруженной промышленной продукции региона увеличился с 2009.0 до 6035.6 млрд руб., а индекс промышленного производства в 2025 г. достиг 109.9%. В 2025 г. в Татарстане функционировало 107 промышленных парков, заполняемость которых превысила 80%, число резидентов превысило 1.7 тыс., а количество рабочих мест — 72.1 тыс. Экономический эффект проявляется в

¹ И.А.Савельчев (ignatsavelchev@mail.ru), студент магистратуры 2 курса ИУЭФ КФУ направления Бизнес и менеджмент

объеме производства резидентов преференциальных территорий около 1.5 трлн руб., вкладе более 9% в валовой региональный продукт и налоговых поступлениях 166.2 млрд руб. Сделан вывод, что промышленные парки Татарстана выступают действующим механизмом промышленной политики, обеспечивая концентрацию производств, развитие предпринимательства, рост занятости и расширение инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова: промышленные парки, Республика Татарстан, промышленная инфраструктура, инвестиции, резиденты, рабочие места, промышленное производство, налоговые поступления.

Предмет исследования – современное состояние, динамика развития и экономическая роль промышленных парков Республики Татарстан как элемента региональной промышленной и инвестиционной инфраструктуры.

Цель работы – оценить современное состояние промышленных парков Республики Татарстан, выявить основные тенденции их развития и определить их значение для промышленного роста, привлечения инвестиций, размещения производств и создания рабочих мест в регионе.

Метод и методология проведения работы – исследование основано на системном и сравнительно-аналитическом подходах. В работе применялись методы анализа статистических данных, обобщения, сравнения, динамического анализа, табличной систематизации и интерпретации социально-экономических показателей. Информационную базу составили данные о развитии промышленного производства Республики Татарстан, количестве промышленных парков, уровне их заполняемости, численности резидентов, рабочих местах, объеме производства и налоговых поступлениях.

Результаты и область их применения

Промышленные парки Республики Татарстан представляют собой специализированные производственные территории, предназначенные для размещения новых и действующих предприятий на базе общей инженерной, транспортной, энергетической и административной инфраструктуры. Их ключевая особенность состоит в том, что резиденты получают готовую площадку для запуска производства, снижают первоначальные издержки и могут использовать преимущества кооперации с другими предприятиями парка.

В современных условиях промышленные парки выступают важным элементом инвестиционной и инновационной инфраструктуры региона. Они способствуют ускоренному запуску производственных проектов, развитию малого и среднего бизнеса, расширению промышленной кооперации и

повышению привлекательности территории для инвесторов. Эффективность таких площадок во многом зависит от транспортной доступности, близости к рынкам сбыта и трудовым ресурсам, обеспеченности энергоресурсами, качества управляющей компании и наличия упрощенных административных процедур для резидентов. Таким образом, промышленные парки Татарстана можно рассматривать как один из инструментов пространственной организации промышленности и поддержки устойчивого промышленного роста региона.

Для оценки макроэкономических условий развития промышленных парков Республики Татарстан целесообразно рассмотреть динамику промышленного производства региона. Промышленные парки функционируют как инфраструктурная основа для размещения производственных предприятий, поэтому рост объема отгруженной продукции и положительная динамика индекса промышленного производства отражают общий инвестиционно-производственный потенциал территории. Представленные данные позволяют определить, насколько благоприятной является промышленная среда Татарстана для дальнейшего расширения парковой инфраструктуры, привлечения резидентов и реализации новых производственных проектов.

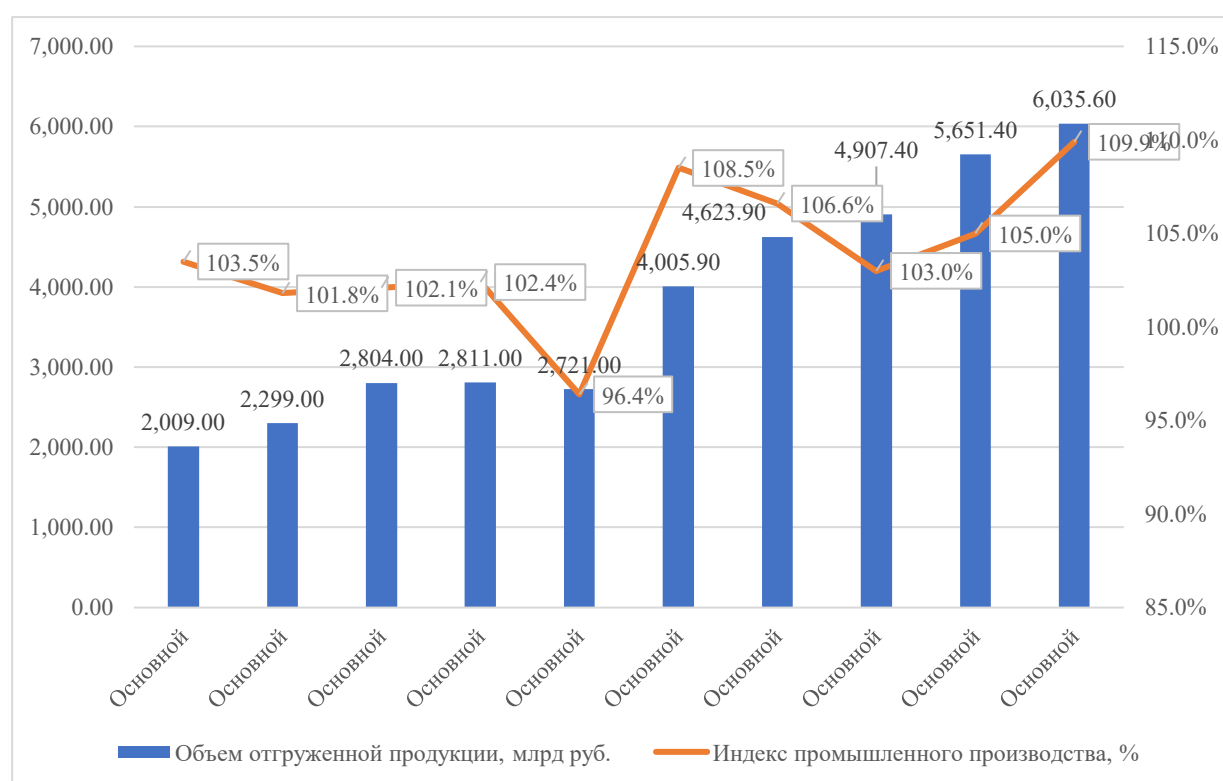

Рис. 1. Динамика объема отгруженной продукции и индекса промышленного производства Республики Татарстан за 2016–2025 гг. [3]

Данные показывают устойчивое наращивание промышленного потенциала Республики Татарстан в долгосрочной динамике. За 2016–2025 гг. объем отгруженной продукции увеличился с 2 009,0 до 6 035,6 млрд руб., то есть более чем в три раза. Единственное снижение наблюдалось в 2020 г., когда индекс промышленного производства составил 96,4%, что отражает влияние внешних ограничений и общеэкономической нестабильности.

Однако уже с 2021 г. промышленность региона перешла к восстановительному и последующему устойчивому росту. Особенно значимым является результат 2025 г.: объем отгрузки достиг 6 035,6 млрд руб., а индекс промышленного производства – 109,9%. В контексте темы исследования это подтверждает, что промышленные парки Татарстана развиваются в условиях растущей промышленной базы и могут рассматриваться как один из инструментов дальнейшего размещения производств, поддержки кооперации и привлечения инвестиций в региональную экономику.

Статистические данные по промышленным паркам Республики Татарстан подтверждают, что данное направление является одним из наиболее развитых элементов региональной промышленной инфраструктуры. По данным отчета о результатах деятельности Кабинета Министров Республики Татарстан, в 2025 г. в регионе функционировало 107 промышленных парков, на территории которых было размещено около 151,8 тыс. резидентов и работников; при этом число рабочих мест составило 71,38 тыс. [5]. Это свидетельствует о высокой степени институционального развития парковой модели и ее значимой роли в поддержке предпринимательства, локализации производств и создании занятости в муниципальных образованиях региона.

Важным показателем востребованности промышленных парков является уровень их заполняемости. По итогам I квартала 2025 г. заполняемость промышленных парков Татарстана превысила 80%, а в первом полугодии приблизилась к 82% [2]. За первое полугодие 2025 г. число резидентов промышленных парков увеличилось на 3% и превысило 1,7 тыс., а количество созданных рабочих мест выросло на 6,7% и превысило 72,1 тыс. Данная динамика показывает, что промышленные парки Татарстана не являются формально созданной инфраструктурой, а реально используются бизнесом как площадки для размещения производственных и сервисных проектов.

Особое значение имеет экономическая отдача резидентов промышленных парков и иных преференциальных территорий. В 2025 г. объем производства резидентов особых экономических зон, промышленных парков и территорий опережающего развития составил около 1,5 трлн руб. Кроме того, вклад

резидентов преференциальных территорий и промышленной инфраструктуры Республики Татарстан в валовой региональный продукт в 2025 г. превысил 9% [4]. Это позволяет рассматривать промышленные парки не только как инфраструктурные объекты, но и как самостоятельный фактор формирования региональной добавленной стоимости.

Фискальный эффект деятельности промышленных парков также является значимым. По итогам 2025 г. резиденты индустриальных парков и технопарков Татарстана перечислили 137,5 млрд руб. налогов и сборов в федеральный бюджет и 28,7 млрд руб. – в бюджет республики, то есть совокупный объем налоговых поступлений составил 166,2 млрд руб. [6]. Следовательно, развитие промышленной инфраструктуры обеспечивает не только поддержку бизнеса, но и расширение доходной базы бюджетной системы.

Таким образом, современное состояние промышленных парков Республики Татарстан характеризуется высокой степенью развития, значительной заполняемостью, ростом числа резидентов и увеличением созданных рабочих мест. В отличие от регионов, где промышленные парки выполняют преимущественно функцию территориального резерва, в Татарстане они являются действующим механизмом промышленной политики. Их роль проявляется в концентрации производственных предприятий, снижении инфраструктурных барьеров для инвесторов, поддержке малого и среднего бизнеса, а также в формировании налоговой и производственной базы региона.

Дополнительным направлением развития является расширение сети новых промышленных площадок. В 2025 г. в Татарстане реализовывались проекты по созданию новых индустриальных парков и технопарков, в том числе промышленного парка «Верхний Услон», где планируется строительство производственно-складских комплексов общей площадью около 14,7 тыс. кв. м. [1]. Кроме того, по итогам отбора Минэкономразвития России шесть проектов из Татарстана получили федеральную поддержку на создание и развитие промышленных, техно- и бизнес-парков; ожидается, что реализация этих инициатив позволит привлечь более 2 млрд руб. частных инвестиций, создать свыше 670 рабочих мест и привлечь 72 новых резидента [7].

Следовательно, развитие промышленных парков Татарстана происходит по двум взаимосвязанным направлениям. Первое связано с повышением эффективности уже действующих площадок – ростом заполняемости, расширением состава резидентов, увеличением выпуска продукции и налоговой отдачи. Второе направление связано с созданием новых промышленных территорий, модернизацией инженерной и энергетической инфраструктуры, а

также расширением возможностей для размещения производств в муниципальных районах. В совокупности это позволяет говорить о переходе промышленных парков Республики Татарстан от стадии инфраструктурного формирования к стадии устойчивого экономического функционирования и масштабирования.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что промышленные парки Республики Татарстан являются значимым инструментом региональной промышленной политики и пространственной организации производства. Рост объема отгруженной промышленной продукции за 2016-2025 гг. более чем в три раза, а также высокий индекс промышленного производства в 2025 г. подтверждают наличие устойчивой производственной базы для дальнейшего развития парковой инфраструктуры. В регионе сформирована разветвленная сеть промышленных парков, отличающаяся высокой заполняемостью, увеличением числа резидентов и созданием значительного количества рабочих мест. Экономический эффект проявляется в росте выпуска продукции, вкладе преференциальных территорий в валовой региональный продукт и существенных налоговых поступлениях. Следовательно, промышленные парки Татарстана выполняют не только инфраструктурную, но и инвестиционную, кооперационную и социально-экономическую функцию. Перспективы их развития связаны с модернизацией инженерной инфраструктуры, созданием новых площадок в муниципальных районах, привлечением частных инвестиций и расширением возможностей для малого и среднего производственного бизнеса.

Список литературы

1. В Татарстане создадут новый промпарк «Верхний Услон» // TatCenter. – 2025. – 6 августа. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-sozdadut-novyj-prompark-verhnij-uslon/> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Заполняемость промышленных парков Татарстана приблизилась к 82% // Вести Татарстан. – 2025. – 13 октября. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://trt-tv.ru/2025/10/13/zapolnyaemost-promyshlennyh-parkov-tatarstana-priblizilas-k-82/> (дата обращения: 24.04.2026).
3. Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан. Итоги развития промышленности, торговли и внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан в 2025 году и задачи на 2026 год. – 2025. –

55 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mpt.tatarstan.ru/file/mpt/File/2.%20Буклет_итоги%202025%20года.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

4. ОЭЗ, промпарки и ТОРы Татарстана произвели продукции на ₽1,5 трлн // РИА Новости. – 2026. – 15 апреля. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20260415/rezidenty-2087216175.html> (дата обращения: 24.04.2026).

5. Промышленные парки Татарстана достигли 80% заполняемости // TatCenter. – 2025. – 7 мая. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tatcenter.ru/news/promyshlennye-parki-tatarstana-dostigli-80-zapolnyaemosti/> (дата обращения: 24.04.2026).

6. Стали известны результаты деятельности резидентов промышленных парков и технопарка в сфере высоких технологий в Республике Татарстан по итогам 2025 года // Министерство финансов Республики Татарстан. – 2026. – 21 апреля. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minfin.tatarstan.ru/index.htm/news/2513951.htm> (дата обращения: 24.04.2026).

7. Шесть промышленных парков Татарстана получают федеральное финансирование // Казанские ведомости. – 2025. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kazved.ru/news/sest-promyslennyx-parkov-tatarstana-polucat-federalnoe-finansirovanie-5883512> (дата обращения: 24.04.2026).

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL PARKS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

SAVELCHEV I.A.

The subject of the study is the current state, development dynamics and economic role of industrial parks in the Republic of Tatarstan as an element of regional industrial and investment infrastructure. The purpose of the paper is to assess the condition of the region's industrial parks, identify the main trends in their development and determine their importance for industrial growth, investment attraction, production location and job creation. The methodology is based on systemic and comparative analytical approaches; the study applies statistical data analysis, generalization, comparison, dynamic analysis, tabular systematization and interpretation of socio-economic indicators. The information base includes data on industrial production in

the Republic of Tatarstan, the number of industrial parks, occupancy level, residents, jobs, production output and tax revenues. The study shows that in 2016–2025 the volume of shipped industrial products in the region increased from RUB 2009.0 billion to RUB 6035.6 billion, while the industrial production index reached 109.9% in 2025. In 2025, Tatarstan had 107 industrial parks with occupancy exceeding 80%; the number of residents exceeded 1.7 thousand, and the number of jobs reached 72.1 thousand. The economic effect is reflected in the output of residents of preferential territories of about RUB 1.5 trillion, their contribution of more than 9% to gross regional product, and tax revenues of RUB 166.2 billion. It is concluded that Tatarstan's industrial parks operate as an effective mechanism of industrial policy, ensuring concentration of production, business development, employment growth and expansion of the region's investment potential.

Keywords: industrial parks, Republic of Tatarstan, industrial infrastructure, investment, residents, jobs, industrial production, tax revenues.

Рецензия на статью

Автор(ы)

Савельчев И.А.

Название статьи: **СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРКОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тематика статьи (промышленные парки, региональная промышленная и инвестиционная инфраструктура, макро- и мезоэкономические показатели) соответствует экономическому профилю сетевого издания «Электронный экономический вестник Татарстана» и его фокусу на социально-экономическом развитии региона. Работа опирается на официальную региональную статистику и материалы органов власти Республики Татарстан, что также типично для регионального экономического издания.
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Современное состояние и развитие промышленных парков Республики Татарстан» точно отражает фактическое содержание: основное внимание уделено описанию текущего состояния, динамики показателей и направлений развития сети промпарков. Однако акцент сделан преимущественно на количественном описании, а аналитический блок о механизмах «развития» и факторах, влияющих на него, раскрыт ограниченно.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно воспроизводит предмет, цель, используемые методы и ключевые результаты статьи (число парков, уровень заполняемости, объем производства, вклад в ВРП, налоговые поступления). Основные тезисы аннотации находят подтверждение в основной части текста, расхождений между заявленным и фактическим содержанием не наблюдается.
2				
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы в тексте вытекает из значимости промышленных парков как инструмента промышленной политики, инвестиционной инфраструктуры и источника рабочих мест, а также из их заметного вклада в ВРП и бюджетные поступления региона. Вместе с тем, формальное обоснование актуальности (через проблематику импортозамещения, структурной трансформации экономики, конкуренции регионов за инвестора и т.п.) дано имплицитно и могло бы быть более развернутым и концептуально выстроенным.

2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Обзор российских и зарубежных публикаций фактически отсутствует: в статье нет отдельного раздела «Литература»/«Обзор исследований», обсуждающего научную повестку по индустриальным паркам. Список литературы состоит в основном из официальных отчетов и новостных материалов (TatCenter, «Вести Татарстан», РИА Новости, Минпром и Минфин РТ), без отсылок к теоретическим и эмпирическим исследованиям российских и иностранных авторов по тематике индустриальных парков.
3 Научный уровень статьи				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Автор довольно детально описывает состояние промышленности Татарстана и количественные характеристики промышленных парков (динамика объема отгруженной продукции, индекса промышленного производства, числа парков, резидентов, рабочих мест, уровня заполняемости). Однако именно анализ проблемы (например, барьеры развития парков, сравнение эффективности разных моделей управления, сравнительный анализ с другими регионами РФ или зарубежными кластерными/парковыми структурами) представлен слабо и сводится к общим констатациям.
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Цель сформулирована ясно: оценка состояния промышленных парков, выявление тенденций и определение их значения для промышленного роста, инвестиций, размещения производств и занятости. При этом конкретные исследовательские задачи (например, «оценить динамику N показателей», «выявить влияние парков на...», «сравнить параметры...») явно не структурированы в виде перечня, а проблемы развития парков (риски, ограничения) не артикулированы как отдельный проблемный узел.
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Заявлены системный и сравнительно-аналитический подходы, а также методы анализа статистических данных, обобщения, сравнения, динамического анализа, табличной систематизации и интерпретации показателей. Для описательно-аналитической работы на региональных статистических данных такой набор методов в целом корректен, но методологический раздел носит декларативный характер и не демонстрирует, как именно, например, реализуется сравнительный подход или системный анализ (нет сопоставления с

				другими регионами, типология парков и т.п.).
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы напрямую следуют из представленных статистических данных (рост объемов промышленной продукции, высокая заполняемость, рост резидентов, вклад в ВРП и налоговые поступления) и опираются на официальные источники Минпрома, Минфина и др. При этом причинно-следственные связи (например, оценка, в какой мере именно развитие парков обусловило рост показателей) не прорабатываются, поэтому выводы имеют характер корректных, но достаточно общих констатаций.
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Оригинальность статьи заключается, прежде всего, в сводной систематизации актуальных статистических данных по промышленным паркам Татарстана за 2016–2025 гг., включая их макроэкономический контекст и показатели эффективности. Вместе с тем, новых теоретических положений, авторских классификаций или методик оценки эффективности промышленных парков работа не предлагает
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Работа не вступает в противоречие с современными представлениями об индустриальных парках как элементе региональной промышленной политики и инвестиционной инфраструктуры. Однако из-за отсутствия реального обзора научной литературы и сопоставления с существующими концептуальными моделями (кластерный подход, инструменты пространственного развития и т.п.) включенность статьи в современный научный дискурс остается недостаточно продемонстрированной.
4.3	Наличие спорных положений	да		Явно спорных, некорректных или противоречащих данным тезисов в статье не выявляется: все количественные выводы логично вытекают из приведенной статистики. Возможным дискуссионным моментом можно считать несколько прямолинейную трактовку промышленных парков как «действующего механизма промышленной политики» без критического анализа издержек, рисков и альтернативных инструментов.
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Текст написан в целом корректным научным стилем: используются терминологически нейтральные формулировки, избегаются разговорные выражения, структура фраз соответствует академическому дискурсу.

5.2	Доступность изложения	да		Изложение доступно для широкой профессиональной аудитории: автор подробно поясняет экономическую роль промышленных парков, не использует сложный математический аппарат, а все ключевые цифры сопровождаются пояснениями. Для специалистов-экономистов текст легко воспринимается, для студентов старших курсов также не представляет сложностей.
5.3	Корректность терминологии	да		Базовая терминология («промышленные парки», «резиденты», «преференциальные территории», «валовой региональный продукт», «индустриальные парки», «технопарки») используется корректно и в соответствии с региональной практикой и официальной статистикой.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	да		Объем статьи компактный, соответствует формату короткой научной статьи/аналитической заметки; структура логична: вводная часть, описание промышленного контекста, количественный анализ парков, выводы. Иллюстративный материал представлен одной диаграммой (динамика объема отгрузки и индекса промышленного производства), при этом табличной систематизации данных по самим паркам (по типам, муниципалитетам, видам деятельности) нет, что ограничивает аналитический потенциал заявленных методов.
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Список литературы оформлен в целом единообразно, включает авторство/название, источник, год, дату обращения и электронный адрес.
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Высокая практическая значимость за счет использования актуальных официальных статистических данных и отчетов органов власти Республики Татарстан. Четкая фокусировка на одном регионе и инструменте политики (промышленные парки), что обеспечивает цельность изложения и позволяет показать их реальный экономический эффект (вклад в ВРП, занятость, налоги). Ясный и доступный стиль, корректное соотнесение аннотации и выводов с фактическими данными статьи.		
6.2	Отрицательные качества	Фактическое отсутствие научного обзора литературы (российской и зарубежной) по индустриальным паркам, кластерам, инструментам региональной промышленной политики. Недостаточная глубина аналитики: преобладает дескрипция статистики без построения аналитических моделей, сравнения с другими регионами и критического анализа проблем и ограничений развития парков.		

6.3	Замечания и предложения	Ввести отдельный раздел с кратким обзором российских и зарубежных исследований по индустриальным паркам, технопаркам и индустриальной инфраструктуре, выделив основные теоретические подходы и результаты эмпирических работ. Сформулировать и структурировать перечень исследовательских задач (3–4 конкретных пункта) и показать, как каждая из них решается в тексте статьи.
-----	-------------------------	---

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 12.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕПОЧЕК ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.Р. Сафиуллин, А.И. Гурьянов ²
Академия наук Республики Татарстан

Для цитирования: Сафиуллин М.Р., Гурьянов А.И. Актуальные вопросы цепочек ценности в современных условиях // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 17–22.

В статье рассмотрены актуальные вопросы адаптации цепочек ценности к текущим условиям нестабильной внешней среды. Значительное число цепочек ценности было нарушено в результате санкций, а также ряда других факторов, что вызвало необходимость их перестроения и адаптации. При этом активное развитие информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, открывает возможность существенного повышения эффективности цепочек ценности, для чего требуется их соответствующая адаптация. В данных условиях важным источником конкурентного преимущества становится способность динамически перестраивать цепочку ценности организации, для чего существенный потенциал имеют цифровые платформы.

Ключевые слова: цепочки ценности, конкурентное преимущество, информационные технологии, цифровые платформы, межфирменная кооперация, импортозамещение.

В настоящее время анализ адаптации цепочек ценности приобрел высокую актуальность как для теоретиков, так и для практиков [1]. Это обусловлено тем, что в результате санкций недружественных стран, а также ряда других факторов большое количество цепочек ценности было нарушено. Активное развитие информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, дает возможность существенно повысить эффективность цепочек ценности, для чего требуется их соответствующая адаптация.

² М.Р. Сафиуллин (*Marat.Safiullin@tatar.ru*), доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Татарстан, проректор по вопросам экономического и стратегического развития Казанского (Приволжского) федерального университета; А.И. Гурьянов (*Artem.Guryanov@tatar.ru*), старший научный сотрудник, аспирант, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан

Цепочка ценности – организованный и взаимосвязанный набор бизнес-процессов, создающий ценность для клиентов [2]. Понятие цепочки ценности было введено М. Портером в 1985 году в книге «Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость» [3]. Изначально основной задачей цепочки ценности был анализ существующих и потенциальных конкурентных преимуществ компании.

Цепочка ценности в рамках организации включает в себя основные виды деятельности (бизнес-процессы), относящиеся непосредственно к созданию и продаже продукта, и вспомогательные виды деятельности, обеспечивающие эффективное функционирование основных видов деятельности [2]. Основные виды деятельности относятся к следующим пяти категориям: входящая логистика, производственный процесс, исходящая логистика, маркетинг и продажи, послепродажное обслуживание. Вспомогательные виды деятельности включают в себя следующие категории: закупки, развитие технологий, управление персоналом, инфраструктура организации [3]. Каждый вид деятельности в цепочке ценности является потенциальным источником конкурентного преимущества.

Понятие цепочки ценности не ограничивается рамками организации. В частности, рассматриваются цепочки ценности отраслей и глобальные цепочки ценности [4]. Также рассматривается полная цепочка ценности продукта от сырья до утилизации и переработки [5]. Значительную важность имеет цепочка ценности конечного потребителя, которая показывает, как именно продукт используется потребителем для удовлетворения своих потребностей [3].

Цепочки ценности являются эффективным инструментом стратегического анализа, применимым для широкого спектра задач [6]. Данный подход предоставляет возможность комплексного, системного анализа как организации, так и отрасли [7]. Это, в частности, дает возможность анализа связей между компонентами организации или отрасли. Данный факт имеет значительную важность, так как свойства системы значительно отличаются от суммы свойств ее элементов, и анализ связей между составляющими системы имеет ключевое значение для понимания свойств системы в целом.

Методология цепочек ценности дает возможность построения сложных, многофакторных моделей организаций и отраслей. К этим моделям возможно с высокой степенью эффективности применить методы анализа данных, в том числе с применением искусственного интеллекта, получившие значительное развитие в последние годы. Полученные результаты возможно эффективно

применить для оптимизации бизнес-процессов, что может стать значимым источником конкурентных преимуществ.

В сложившихся в последние годы политических и экономических условиях значительное количество цепочек ценности оказалось нарушено. Начало этому положила пандемия COVID-19, а также кризис цепочек поставок, в существенной мере вызванный пандемией. В дальнейшем негативное влияние оказали факторы санкций и нарушения международного сотрудничества. В связи с этим приобрела большое значение задача перестроения и адаптации цепочек ценности под изменившиеся условия.

Высокую значимость приобрел вопрос импортозамещения. В рамках импортозамещения необходимо как построить новые цепочки ценности производства соответствующих товаров, так и заместить импортные товары на отечественные в рамках существующих цепочек ценности.

В условиях высокой нестабильности среды способность динамически перестраивать цепочку ценности организации стала важным источником конкурентного преимущества [8, 9]. Подобная гибкость позволяет как оперативно адаптировать цепочку ценности под изменяющиеся условия, так и эффективно использовать открывающиеся возможности.

В то же время, важным источником конкурентного преимущества является межфирменная кооперация [10]. Она заключается в оптимизации и координации межфирменных связей с целью повышения эффективности цепочки ценности. Реализация межорганизационной кооперации требует затрат, поэтому она наиболее актуальна в условиях стабильных связей цепочки ценности с постоянными контрагентами.

Кроме того, в настоящее время значительное влияние на цепочки ценности оказывает научно-технический прогресс, в особенности – в сфере информационных технологий.

Сложная и нестабильная экономическая ситуация привела к замедлению инновационной активности, так как для многих организаций цели стабилизации деятельности имеют более высокий приоритет, чем цели развития. В то же время, согласно статистике предыдущих кризисов, организации, не пренебрегающие инновациями в кризисных условиях, приобретают преимущество перед конкурентами в период последующего восстановления экономики [11].

При этом, с одной стороны, инновации являются для организаций значительным источником возможностей. С другой стороны, если инновациям уделяется недостаточно внимания, велик риск возникновения и накопления отставания в конкурентной борьбе.

В зависимости от типа технологии она может оказывать влияние или на всю цепочку ценности, или на ее отдельные компоненты. Например, робототехника и аддитивные технологии относятся к производственному процессу. В то же время, инфокоммуникационные технологии и искусственный интеллект затрагивают все или большинство элементов и связей цепочки ценности. При внедрении данных технологий системный подход имеет особенно большое значение.

Особенно высокий потенциал имеют информационные системы, охватывающие организацию целиком. С одной стороны, это позволяет реализовать эффективную координацию между бизнес-процессами организации. С другой стороны, подобные информационные системы аккумулируют большой объем информации об организации как об единой системе. Данная информация может быть проанализирована, в том числе средствами искусственного интеллекта, и использоваться для повышения качества управленческих решений.

В современных условиях высокой нестабильности внешней среды особенно значительные возможности предоставляют цифровые платформы. Это обусловлено тем, что цифровые платформы открывают значительные возможности в управлении цепочками ценности. В частности, они являются одним из наиболее эффективных инструментов динамического перестроения цепочек ценности [12]. Цифровые платформы позволяют оперативно находить необходимых в данный момент потенциальных контрагентов и устанавливать с ними связи, снижая транзакционные издержки и минимизируя риски оппортунистического поведения. Кроме того, цифровые платформы могут применяться для построения эффективной межфирменной кооперации, в том числе долгосрочной. Исходя из этого, цифровые платформы предоставляют эффективные инструменты адаптации организаций в текущих условиях нестабильной внешней среды.

Список литературы

1. Индинок Д.А. Адаптация цепочки создания ценности на российском рынке часов: пилотное исследование // Российский журнал менеджмента. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 95-115. – DOI 10.21638/spbu18.2025.105. – EDN TXZTAT
2. Репин В.В. Бизнес-процессы компании: построение, анализ, регламентация. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2007. – 240 с.
3. Porter M.E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – New York: The Free Press, 1985. – 557 p.

4. Галаутдинова В.В. Формирование цепочки создания ценности при разработке стратегии конкурентоспособности на примере производства сыра: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Казань, 2020. – 227 с.
 5. Shank J.K., Govindarajan V. Strategic Cost Management: the New Tool for Competitive Advantage. – New York: The Free Press, 1993. – 271 p.
 6. Дементьев В.Е. Цепочки создания ценности перед вызовами цифровизации и экономического спада // Вопросы экономики. – 2021. – № 3. – С. 68–83. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-3-68-83. – EDN ZHMIFB
 7. Kaplinsky R., Morris M. A Handbook for Value Chain Research. – IDRC, 2002. – 113 p.
 8. Сафиуллин М.Р., Гурьянов А.И. Формирование цепочек ценности на электронных торговых площадках // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 96–99. – DOI 10.24412/1998-5533-2024-4-96-99. – EDN HNMFDA
 9. Fine C.H., Vardan R., Petick R., El-Hout J. Rapid-Response Capability in Value-Chain Design // MIT Sloan Management Review. – 2002. – Vol. 43. – P. 69–75
 10. Lahiri S., Kundu S., Munjal S. Processes Underlying Interfirm Cooperation // British Journal of Management. – 2021. – Vol. 1. – P. 7–19. – DOI 10.1111/1467-8551.12476
 11. Am J.B., Furstenthal L., Jorge F., Roth E. Innovation in a crisis: Why it is more critical than ever // McKinsey & Company. – 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/innovation-in-a-crisis-why-it-is-more-critical-than-ever> (дата обращения 15.11.2023)
 12. Chavez A., Chari A., Ito A., Barring M., Friis M., Morstam M., Lopes P.V., Stahre J. Using Digital Platforms for Value Chain Sustainability – Cases From the Digitala Stambanan Project // Procedia CIRP. – 2023. – P. 1137–1142. – DOI 10.1016/j.procir.2023.09.138
-

CURRENT ISSUES OF VALUE CHAINS IN MODERN CONDITIONS

M.R. Safiullin, A.I. Gurianov

The article examines current issues of adapting value chains to the current conditions of an unstable external environment. A significant number of value chains have been disrupted as a result of sanctions and a number of other factors, necessitating

their restructuring and adaptation. At the same time, the active development of information technologies, including artificial intelligence, opens up the possibility of significantly increasing the efficiency of value chains, which requires their appropriate adaptation. In these conditions, the ability to dynamically restructure an organization's value chain is becoming an important source of competitive advantage, for which digital platforms have significant potential.

Keywords: value chains, competitive advantage, information technology, digital platforms, intercompany cooperation, import substitution

Рецензия на статью

Автор(ы)	М.Р. Сафиуллин, А.И. Гурьянов
Название статьи: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕПОЧЕК ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	<u>да</u>		Тематика статьи (цепочки ценности, конкурентные преимущества, влияние санкций, цифровые платформы, ИКТ и ИИ) полностью укладывается в проблемное поле современной экономической науки и соответствует профилю специализированных экономических журналов, ориентированных на вопросы стратегического управления и цифровой трансформации. Акцент на российских условиях, санкционном давлении и импортозамещении делает работу особенно релевантной для изданий, освещающих трансформацию хозяйственных систем РФ
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	<u>да</u>		Название «Актуальные вопросы цепочек ценности в современных условиях» адекватно отражает содержание: в статье действительно рассматриваются ключевые теоретические и прикладные аспекты адаптации цепочек ценности в условиях нестабильной внешней среды, санкций, цифровизации и развития платформенных решений.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	<u>да</u>		Аннотация корректно воспроизводит фактический спектр вопросов: нарушение цепочек ценности санкциями, необходимость их перестройки, роль ИКТ и ИИ, значение способности к динамической перестройке и потенциал цифровых платформ.
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	<u>да</u>		Актуальность темы убедительно мотивирована через: нарушение цепочек ценности в результате пандемии COVID-19, кризиса цепочек поставок и санкций; усиление значения задач импортозамещения; необходимость адаптации и динамической перестройки цепочек ценности в условиях нестабильной среды.

2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Статья опирается на широкую и актуальную подборку источников: используются российские работы по адаптации цепочек ценности и цифровизации (Индинок, Дементьев и др.), а также классические и современные зарубежные источники (Портер, Kaplinsky & Morris, Fine et al., исследования по межфирменной кооперации, работам по инновациям в кризис).
3	Научный уровень статьи			
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Авторы четко реконструируют эволюцию и содержание понятия «цепочка ценности»: исходное определение Портера, разделение на основные и вспомогательные виды деятельности, расширение на отраслевые и глобальные цепочки, полную цепочку ценности продукта и цепочку ценности конечного потребителя. Хорошо показаны направления применения методологии цепочек ценности для стратегического анализа, построения многофакторных моделей и взаимодействия с методами анализа данных и ИИ.
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблематика сформулирована через необходимость адаптации/перестройки цепочек ценности в условиях санкций, импортозамещения, высокой нестабильности среды, цифровизации и развития цифровых платформ.
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Статья имеет характер теоретико-концептуальной и обзорной работы, основанной на анализе и синтезе литературных и аналитических источников; формализованный методологический раздел (описание типов анализа, критериев отбора работ, логики сравнения) не представлен. Для концептуальной статьи в экономике это допустимо
3.4	Достоверность выводов	да		Основные выводы (о росте важности динамической перестройки цепочек, значении импортозамещения, роли межфирменной кооперации и цифровых платформ) логично вытекают из рассмотренного теоретического материала и эмпирических наблюдений, представленных в цитируемых работах.
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Явно заявленной авторской модели или формализованной концептуальной схемы в статье нет; новизна носит в основном характер аккуратной

				систематизации нескольких линий дискуссии: классической теории цепочек ценности; проблем их нарушения и адаптации в условиях COVID-19 и санкций; роли инноваций, ИКТ и ИИ; потенциала цифровых платформ для динамической перестройки цепочек и межфирменной кооперации.
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	<u>да</u>		Позиционирование в современной научной повестке выглядит корректным: активно используются последние российские и зарубежные исследования по адаптации цепочек ценности, цифровизации, платформенным решениям и межфирменной кооперации.
4.3	Наличие спорных положений		<u>Нет</u>	Спорных или явно контринтуитивных утверждений в тексте нет
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	<u>да</u>		Язык статьи выдержан в академическом стиле: используются корректные теоретические формулировки, опора на источники оформлена в виде ссылок, отсутствуют разговорные и публицистические обороты.
5.2	Доступность изложения	<u>да</u>		Изложение достаточно доступно для широкой профессиональной аудитории экономистов и менеджеров: понятия вводятся с опорой на классические работы, сложных математических выкладок нет, логика построения текста прозрачна.
5.3	Корректность терминологии	<u>да</u>		Термины «цепочка ценности», «конкурентное преимущество», «межфирменная кооперация», «цифровая платформа», «инновационная активность», «импортозамещение» используются в соответствии с их устоявшимся содержанием в экономической литературе.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	<u>да</u>		Объем статьи умеренный и соответствует формату теоретико-концептуальной заметки/статьи без эмпирического блока.
5.5	Правильность оформления библиографии	<u>да</u>		Список литературы оформлен аккуратно и единообразно, включает как русскоязычные, так и англоязычные источники
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Высокая актуальность темы, связанной с санкциями, нарушением цепочек ценности, импортозамещением и цифровизацией.		

		Хорошая теоретическая проработка: корректное введение и развитие понятия цепочки ценности, использование классических и современных источников. Убедительное обоснование роли инноваций, ИКТ, ИИ и цифровых платформ как инструментов адаптации и динамической перестройки цепочек ценности.
6.2	Отрицательные качества	Отсутствие эмпирического или прикладного блока (кейсов, статистики, результатов собственных исследований), что ограничивает практическую часть работы. Недостаточная явная формализация целей, задач и методологического подхода; работа воспринимается как концептуально-обзорная, а не как исследование с четкой методической рамкой.
6.3	Замечания и предложения	Явно выделить цель и 3–4 конкретные задачи исследования (например, «раскрыть содержание и функции цепочек ценности в современных условиях», «проанализировать влияние санкций и импортозамещения», «охарактеризовать роль инноваций и цифровых платформ...»). Кратко описать методологию работы: виды анализа, принципы отбора литературных источников, логика структурирования материала.

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. Статья может быть опубликована без научной правки
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 25.05.2026 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА, ИЗМЕНЯЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Саубанов К.Р.³

*ОСП «Центр перспективных экономических исследований АН РТ» ГНБУ
«Академия наук Республики Татарстан»*

Для цитирования: Саубанов К.Р. Концепция цифровой экономики как нового технологического порядка, изменяющего пространственную организацию региональных экономических систем // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 27–34.

В данной статье рассматривается концепция цифровой экономики как новой технологической парадигмы, коренным образом изменяющей пространственную организацию региональных экономических систем. Анализируется двойственная природа процесса цифровизации, одновременно протекающего на виртуальном и территориальном уровнях. Установлено, что, несмотря на «сжатие» экономического пространства и уменьшение значимости географических барьеров в следствие ускорения процессов цифровизации, на практике мы наблюдаем парадокс растущей экономической концентрации в крупных агломерациях и увеличивающегося цифрового разрыва между регионами. В статье обосновывается необходимость пересмотра традиционных стратегий регионального развития и перехода от иерархических структур управления к сетевым, адаптивным моделям, ориентированным на развитие цифровой инфраструктуры и человеческого капитала.

Ключевые слова: Цифровая экономика, агломерации, «умные» города, региональная политика, сжатие экономического пространства, технологическая парадигма, цифровой разрыв, цифровой двойник региона.

Концепция цифровой экономики как новой технологической парадигмы основана на переходе к цифровой модели производства, в которой информация, её обработка и сетевое использование информационно-коммуникационных технологий становятся основными факторами развития [1-7]. Этот процесс коренным образом меняет традиционную пространственную организацию

³ Саубанов К.Р. (ksaubanov@mail.ru) к.э.н., зам. директора по науке

региональных экономических систем, формирует их новую архитектуру, в результате чего эволюционирует логика распределения производительных сил.

Важнейшей теоретической и практической особенностью этого процесса является двойственность развития цифровой экономики, которая одновременно функционирует на виртуальном (информационном) и территориальном (реальном) уровнях. При этом современные исследования подтверждают превосходство и доминирование территориального уровня над виртуальным [8-13]. Этот приоритет обусловлен строгой географической взаимосвязью физической инфраструктуры – линий связи, серверного оборудования и центров обработки данных. Кроме того, создание продуктов интеллектуальной собственности, а также концентрация человеческого капитала всегда связаны со специфическими локальными точками: инновационными кластерами, университетами, исследовательскими центрами и венчурными фондами. Влияние нового цифрового порядка на пространственное развитие регионов отражается в растущей территориальной поляризации и неравенстве. Процесс цифровой трансформации характеризуется высокой динамикой, однако центры цифровых услуг и производства передовых технологий сосредоточены в ограниченном числе регионов. Возникающее цифровое неравенство регионов определяется их исходным ресурсным обеспечением, инвестиционной привлекательностью, научно-образовательной специализацией и степенью интеграции в глобальные информационно-экономические процессы.

В то же время цифровая трансформация на микро- и мезоуровне устраняет прежние административные и географические барьеры, способствует формированию новых типов сотрудничества – цифровых инновационных экосистем. Такие экосистемы гибко объединяют предприятия реального сектора экономики, науку, образование и государственные учреждения в единую сеть и гарантируют ускорение трансфера технологий и повышение производительности труда в отдельных регионах.

В контексте нового технологического порядка традиционные подходы к региональному управлению очевидно утрачивают свою эффективность. Это предопределяет переход от программного подхода к программно-ориентированному подходу в модели регионального экономического управления. Региональная политика цифровизации выдвигается на первый план как самостоятельная область государственной политики и требует создания специальных механизмов развития местной «цифровой рабочей силы» и «цифрового капитала», которые способствуют устранению пространственных диспропорций и повышению общей конкурентоспособности территорий.

Цифровая экономика способствует обеспечению фундаментального сдвига в процессе создания, распределения и потребления ценности, что неизбежно влечет за собой кардинальную трансформацию пространственной организации региональных экономических систем. В отличие от индустриальной экономики, где география производства жестко привязывается к источникам сырья, транспортным коридорам и рынкам сбыта материального продукта, цифровая парадигма экономического развития интегрирует в экономическую деятельность конструкторы экстерриториальности и сетевого взаимодействия, изменяя само определение экономического пространства.

Ключевой особенностью этой трансформации является снижение значимости физического расстояния как барьера для экономической активности, часто называемое сужением экономического пространства. Благодаря развитию телекоммуникационных сетей и цифровых платформ периферийные регионы теоретически получают доступ к мировым рынкам наравне с центральными агломерациями. Это создает предпосылки для децентрализации экономической деятельности, позволяя формировать рассредоточенную систему производительных сил и перемещать центры создания добавленной стоимости из мегаполисов в регионы с более комфортными условиями жизни и более низкими затратами, а также создавать новые зоны роста за пределами традиционных промышленных кластеров.

Однако на практике цифровизация часто приводит к обратному эффекту – сужению экономического пространства. С одной стороны, происходит распространение технологий, а с другой – гиперконцентрация центров управления, обработки данных и инноваций в ограниченном числе «умных городов». Это явление объясняется сетевыми эффектами и необходимостью высокой плотности интеллектуального капитала для создания передовых технологий. Таким образом, традиционная модель «центр-периферия» не исчезает, а скорее трансформируется: критерием централизации становится уже не географическое положение, а качество доступа к глобальным информационным потокам и наличие развитой экосистемы цифровых услуг.

Система региональных рынков также претерпевает значительные изменения. Традиционные локальные рынки испытывают конкурентное давление со стороны глобальных экосистем и рынков, которые берут значительную часть добавленной стоимости. Региональные производители вынуждены интегрироваться в эти цифровые платформы, принимая их правила и стандарты, что снижает автономию местных экономических систем. В то же время это стимулирует развитие новых форм пространственной организации,

таких как виртуальные кластеры, где участники объединены не общей территорией, а единой информационной платформой и цепочкой создания стоимости.

Цифровая экономика меняет характер межрегиональной конкуренции, смещая акцент с борьбы за инвестиции в физический капитал на борьбу за человеческий капитал. Регионы начинают конкурировать не по уровню налоговых льгот для предприятий, а по качеству городской среды, скорости интернета и развитию цифровых государственных услуг, способных привлекать высококвалифицированных сотрудников и IT-специалистов. Это вынуждает региональные власти пересматривать свои стратегии пространственного развития, переходя от поддержки изолированных промышленных предприятий к созданию комплексной среды, благоприятствующей инновациям.

В результате новая парадигма приводит к формированию сетевой, а не иерархической модели пространственной организации, где статус региона определяется его ролью в глобальной цифровой среде. Успех региональной системы теперь зависит от ее способности генерировать, обрабатывать и использовать информацию, что делает цифровую инфраструктуру таким же важным элементом пространственной структуры, каким когда-то были железные дороги и энергетические сети.

Таким образом, можно сформулировать следующие основные концептуальные основы цифровой трансформации экономического пространства в контексте теории региональной экономики.

1. «Сжатие» экономического пространства.

Основная идея сжатия экономического пространства заключается в уменьшении значимости физического расстояния между регионами. Цифровые технологии позволяют существенно снизить операционные издержки, связанные с коммуникационной и информационной логистикой. В новой парадигме периферийный статус региона определяется не расстоянием до административного или финансового центра, а качеством цифровой инфраструктуры (широкополосный доступ в Интернет, скорость передачи данных и т.д.). Это создает теоретическую возможность интеграции отдаленных регионов (при условии наличия у них необходимого количества и качества человеческого капитала) в глобальные цепочки создания добавленной стоимости наравне с развитыми центрами.

2. Переход от иерархических структур взаимодействия к сетевым структурам.

Традиционная пространственная экономика часто строилась на вертикальной интеграции и тесных связях с ресурсной базой. Цифровая парадигма трансформирует региональные системы в горизонтальные сетевые структуры. Возникают распределенные виртуальные производственные кластеры, участники которых могут физически располагаться в разных регионах, но функционировать как единая экономическая единица. Это меняет характер региональной конкуренции: регионы начинают конкурировать не сколько за финансовые потоки и человеческий капитал, но за позиции крупных узлов в глобальных информационных сетях, формирующих цифровую экосистему производства материальных и нематериальных благ.

3. Экстерриториальность создания добавленной стоимости.

В цифровой экономике возникает разрыв между местом производства продукта (или предоставления услуги) и местом его потребления или налогообложения. Значительная часть добавленной стоимости создается в виртуальном пространстве (цифровые платформы, облачные сервисы, разработка программного обеспечения и т.д.). Это создает проблему для традиционных подходов к зонированию и региональному планированию, поскольку экономическая деятельность менее привязана к конкретному региону, что увеличивает мобильность капитала и риск быстрого оттока капитала.

3. Парадокс экономической концентрации и цифровое неравенство.

Классическая парадигма регионального развития «центр-периферия» также претерпевает трансформацию. Несмотря на потенциал децентрализации, цифровая экономика в настоящее время усиливает агломерационный эффект экономического роста. Происходит пространственная поляризация: высококвалифицированная рабочая сила, необходимая для цифровой экономики, как правило, сосредоточена в крупных «умных» городах с развитой инфраструктурой, в то время как районы (в особенности сельские) без цифровой экосистемы отстают в экономическом развитии. Это создает новую форму пространственного неравенства – цифровой разрыв, который делит регионы на поставщиков цифровой продукции и услуг и пассивных потребителей цифровых продуктов и услуг.

4. Происходит трансформация ресурсной базы регионального развития.

В новой парадигме данные становятся основным пространственным ресурсом. Если в индустриальную эпоху расположение производительных сил зависело от месторождений полезных ископаемых или транспортных узлов, то в цифровой экономике точками роста являются регионы, способные генерировать, обрабатывать и хранить большие данные. Локализация центров обработки

данных и доступность для них недорогой энергии становятся факторами, формирующими новые драйверы экономического развития в контексте региональной экономики.

5. «Умная» специализация и управление в реальном времени.

Пространственная организация региона начинает управляться не с помощью долгосрочных статических планов, а с помощью динамических, основанных на цифровых данных (цифровые двойники региона). Это позволяет региональным системам гибко адаптироваться к изменениям спроса и предложения в режиме реального времени, оптимизировать потоки транспорта, энергии и ресурсов, а также превратить само региональное пространство в программируемый и адаптивный ресурс.

Подводя итоги проведенного исследования концептуальных основ цифровой экономике в контексте теории регионального развития, можно сделать фундаментальный вывод о том, что цифровая экономика представляет собой новую технологическую парадигму, которая коренным и необратимым образом меняет пространственную организацию региональных экономических систем. В отличие от индустриальной эпохи, где локализация производства строго зависела от географических факторов (источники сырья, логистика и рынки сбыта), цифровая парадигма основана на сетевой взаимосвязи, экстерриториальности и непрерывных информационных потоках. Хотя устранение географических барьеров теоретически предоставляет периферийным территориям возможность интегрироваться в глобальные рынки, на практике цифровизация имеет двойной эффект: она усиливает пространственную концентрацию передовых производственных технологий и человеческого капитала в ограниченном числе «умных» городов (крупных агломерациях) и региональных лидеров цифрового развития и создает новые формы регионального неравенства. Это требует полного переосмысления традиционных стратегий регионального управления и перехода к адаптивным, программно-ориентированным моделям управления экономическим пространством и размещением производительных сил в стране.

Список литературы

1. Negroponte, N. (1995). Being Digital. Knopf. (Paperback edition, 1996, Vintage Books, ISBN 0-679-76290-6)
2. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. - М.: Прогресс, 1966.- 462 с.

3. Porat, Marc U., U.S. Dep't Of Commerce, OT Special Pub. 77-12(1), The Information Economy: Definition And Measurement 1-8 (1977).
 4. Tapscott, D. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott, McGraw-Hill, 2014. – 448p.
 5. Bell, Daniel. The coming of post-industrial society A venture in social forecasting / Daniel Bell. — New York: Basic books, Cop. 1973. — XIII, 507 с.
 6. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 776 с.
 7. Имамов М.М. Цифровизация и общество: эпоха перемен. СПб.: Супер Издательство, 2022. – 271 с.
 8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
 9. Сафиуллин, М. Р. Уровень проникновения отрасли цифровых платформ в региональной экономике: моделирование и анализ факторов / М. Р. Сафиуллин, А. И. Гурьянов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 1. – С. 76-89. – DOI 10.25198/2077-7175-2026-1-76. – EDN YXUDDX.
 10. Миролубова, Т. В. Цифровая конкурентоспособность региональной экономики / Т. В. Миролубова, М. В. Радионова // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2025. – Т. 20, № 3. – С. 310-326. – DOI 10.17072/1994-9960-2025-3-310-326. – EDN BCRMHT.
 11. Миролубова, Т. В. Цифровая экономика и цифровая трансформация региональной экономики: измерение и особенности / Т. В. Миролубова, Р. С. Николаев // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 340-354. – DOI 10.17072/1994-9960-2024-3-340-354. – EDN XMIQWI.
 12. Миролубова, Т. В. Цифровая трансформация и ее влияние на социально-экономическое развитие российских регионов / Т. В. Миролубова, М. В. Радионова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 697-710. – DOI 10.17059/ekon.reg.2023-3-7. – EDN SZWEIP.
 13. Миролубова, Т. В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост / Т. В. Миролубова, М. В. Радионова // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3(116). – С. 486-510. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510. – EDN FCWDIB.
-

THE CONCEPT OF THE DIGITAL ECONOMY AS A NEW TECHNOLOGICAL ORDER CHANGING THE SPATIAL ORGANIZATION OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

Saubanov K.R.

This article examines the concept of the digital economy as a new technological paradigm that fundamentally transforms the spatial organization of regional economic systems. The dual nature of the digitalization process is analyzed, which simultaneously unfolds at both virtual and territorial levels.

It has been established that, despite the “compression” of economic space and the diminishing significance of geographical barriers due to the acceleration of digitalization processes, in practice we observe a paradox: growing economic concentration in large agglomerations alongside an increasing digital divide between regions.

The article substantiates the need to revise traditional regional development strategies and shift from hierarchical management structures to network-based, adaptive models focused on the development of digital infrastructure and human capital.

Keywords: Digital economy, agglomerations, smart cities, regional policy, economic space compression, technological paradigm, digital divide, regional digital twin.

Рецензия на статью

Автор(ы) Саубанов К.Р.

Название статьи: КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА, ИЗМЕНЯЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тематика статьи (цифровая экономика, региональное развитие, пространственная организация, региональная политика) полностью вписывается в проблемное поле сетевого издания
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название соответствует фактическому содержанию: основное внимание действительно уделено концептуализации цифровой экономики как новой технологической парадигмы и анализу её влияния на пространственную структуру регионов. При этом статья носит преимущественно теоретико-обзорный характер и не ограничивается конкретным регионом, что тоже согласуется с заявленным общим уровнем
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация верно отражает ключевые элементы работы
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы обоснована через: радикальные изменения, которые цифровая экономика вносит в пространственную организацию экономики (снижение значимости расстояния, экстерриториальность, сетевые взаимодействия); наблюдаемый на практике парадокс: теоретическое «сжатие» экономического пространства и фактическая гиперконцентрация цифровых ресурсов и человеческого капитала в ограниченном числе «умных городов» и агломераций. Связь с проблемой регионального неравенства и цифрового разрыва дополнительно подчёркивает практическую значимость рассматриваемой проблематики.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Статья опирается на широкий спектр классических и современных источников: зарубежные работы по информационной и постиндустриальной

				экономике (Negroponte, Porat, Tapscott, Bell, Toffler); фундаментальные исследования по информационному обществу (Кастельс); современные российские работы по цифровизации и цифровой трансформации регионов (Имамов, Миролубова, Радионова и др.); свежие статьи по цифровым платформам и региональной экономике (Сафиуллин, Гурьянов). Таким образом, обзор литературы по тематике цифровой экономики и регионального развития можно считать достаточным и репрезентативным.
3				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Автор даёт развёрнутый теоретический анализ: реконструирует эволюцию представлений о цифровой/информационной экономике и постиндустриальном обществе; описывает двойственную природу цифровизации (виртуальный vs территориальный уровни) и приоритет территориального уровня вследствие привязки инфраструктуры и человеческого капитала к конкретным локациям; рассматривает влияние цифровой трансформации на территориальную поляризацию, формирование цифровых экосистем, новые формы пространственной организации (виртуальные кластеры). Состояние проблемы в научной литературе и практических исследованиях в целом проанализировано на хорошем уровне
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблематика статьи сформулирована корректно: как цифровая экономика, будучи теоретически экстерриториальной и «сжимающей» пространство, на практике усиливает агломерационную концентрацию и цифровое неравенство, требуя переосмысления региональных стратегий и моделей управления. Цель и задачи (осмысление концептуальных основ, выделение ключевых концептов — «сжатие», переход к сетевым структурам, экстерриториальность добавленной стоимости, парадокс концентрации, трансформация ресурсной базы, «умная» специализация) логично вытекают из

				текста, хотя явный список задач не представлен
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Статья имеет теоретико-концептуальный характер; применяются методы анализа и синтеза научной литературы, концептуального моделирования и логико-теоретического обобщения. Прямого эмпирического (количественного) анализа нет, но для заявленной цели – формирование концептуальных основ цифровой трансформации экономического пространства – выбранный методический инструментарий адекватен
3.4	Достоверность выводов	да		Основные выводы (о «сжатии» экономического пространства, переходе к сетевым структурам, экстерриториальности создания добавленной стоимости, парадоксе концентрации и цифровом разрыве, трансформации ресурсной базы и появлении «умной» специализации) логично вытекают из обсуждаемых теоретических и эмпирических работ. Автор избегает конкретных количественных оценок, удерживая выводы в рамках качественного анализа, что повышает их корректность и снижает риск фактических ошибок
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Новизна статьи носит преимущественно концептуально-систематизирующий характер: в единую рамку сведены несколько ключевых концептов (сжатие пространства, сетевые структуры, экстерриториальность, парадокс концентрации, трансформация ресурсной базы, «умная» специализация и цифровые двойники региона); предложен набор «концептуальных основ цифровой трансформации экономического пространства» в контексте теории региональной экономики, структурированный по пяти пунктам. Это даёт целостную схему для дальнейших эмпирических и прикладных исследований, хотя не предлагает формализованной новой модели.
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Предложенные концептуальные положения хорошо согласуются с современными исследованиями по цифровой трансформации и

				региональному развитию, включая работы о цифровой конкурентоспособности регионов, влиянии цифровизации на региональный рост и цифровой разрыв. Статья не вступает в противоречие с актуальными теоретическими трендами, а адаптирует их для анализа пространственной организации региональных систем.
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Явно спорных утверждений не выявляется; автор избегает жёстких, трудно проверяемых тезисов. Дискуссионным может быть степень утверждения о «превосходстве и доминировании» территориального уровня над виртуальным: при дальнейшей цифровизации баланс может смещаться, однако в текущей инфраструктурной реальности это утверждение обосновано.
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Язык статьи соответствует академическим стандартам: используются корректные теоретические термины, выдержан формальный стиль, отсутствуют разговорные или публицистические элементы. Текст структурирован логически, переходы между блоками (описание трансформаций, формулировка концептуальных основ, выводы) последовательны.
5.2	Доступность изложения	да		Несмотря на теоретическую насыщенность, изложение остаётся достаточно доступным для специалистов по региональной экономике и цифровой трансформации: ключевые концепты объясняются, используется понятный язык без избыточного формального аппарата. Для студентов и аспирантов статья может служить введением в пространственные аспекты цифровой экономики.
5.3	Корректность терминологии	да		Термины «цифровая экономика», «сжатие экономического пространства», «цифровой разрыв», «экстерриториальность», «умные города», «виртуальные кластеры», «цифровой двойник региона» используются в соответствии с современными научными подходами и подкрепляются ссылками на соответствующую литературу. Терминология применена последовательно и без внутренних противоречий.

5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	да		Объём статьи соответствует формату теоретико-концептуальной работы: от постановки проблемы и теоретического обзора – к формулировке концептуальных основ и заключительных выводов. Иллюстративный материал (рисунки, схемы, таблицы) отсутствует; при концептуальном характере работы это не критично, но визуализация основных концептов (например, схемы «центр–периферия» в цифровой парадигме, структуры сетевой организации) могла бы усилить наглядность
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Библиография включает классические зарубежные работы по информационной и постиндустриальной экономике, современные российские исследования цифровой трансформации регионов и цифровых платформ. Оформление списка единообразно, источники снабжены полными реквизитами
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Высокая теоретическая проработанность: аккуратная интеграция классических и современных подходов к цифровой экономике и региональному развитию. Чёткая концептуальная структуризация ключевых эффектов цифровизации экономического пространства (сжатие, сетевые структуры, экстерриториальность, парадокс концентрации, трансформация ресурсной базы, «умная» специализация). Практическая релевантность для региональной политики: статья подводит к необходимости адаптивных, программно-ориентированных моделей управления пространственным развитием и развитием цифровой инфраструктуры и человеческого капитала.		
6.2	Отрицательные качества	Отсутствие эмпирического блока или иллюстративных кейсов по конкретным регионам (в том числе Татарстану), что ограничивает прикладное измерение работы. Отсутствие формального методологического раздела (описания методов анализа, критериев отбора литературы и т.п.). Концептуальные положения сформулированы на высоком уровне абстракции; практические рекомендации остаются в общих чертах		
6.3	Замечания и предложения	Дополнить статью кратким методологическим разделом, где указать: типы использованных методов (анализ литературы, институциональный анализ, концептуальное моделирование) и критерии отбора источников. Ввести один-два конкретных кейса (например, по российским регионам-лидерам цифровой трансформации или по Татарстану), демонстрирующих проявление описанных эффектов (сжатие пространства, цифровой разрыв, агломерационная концентрация).		

		Добавить схему или таблицу, визуализирующую пять концептуальных основ цифровой трансформации экономического пространства и их взаимосвязи.
--	--	--

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 29.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

II. МЕТОДОЛОГИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ВЫЗОВЫ И МЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ш.М.Шакиров⁴

*ОСП «Центр перспективных экономических исследований Академии
наук Республики Татарстан»*

Для цитирования: Шакиров Ш.М. Развитие человеческого капитала для экономики искусственного интеллекта в Республике Татарстан: вызовы и меры региональной политики // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 41–49.

В статье представлен теоретико-методологический анализ развития человеческого капитала в условиях формирования экономики искусственного интеллекта применительно к Республике Татарстан. Классическая теория человеческого капитала Г. Беккера, Т. Шульца и Дж. Минсера дополнена концепциями AI-complementary skills, T-shaped specialists и AI-readiness. На основе данных Минцифры РТ, Стратегии Татарстан-2030 и национальной стратегии развития ИИ выделены ключевые вызовы региональной кадровой политики и обоснована четырёхконтурная концептуальная модель её совершенствования.

Ключевые слова: человеческий капитал, искусственный интеллект, региональная экономика, Республика Татарстан, AI-complementary skills, кадровая политика.

Введение

Экономика искусственного интеллекта (далее — ИИ) рассматривается сегодня как самостоятельный технологический уклад, в рамках которого

⁴ Ш.М.Шакиров (shamil.sh76@gmail.com), аспирант

ключевым фактором производства становятся не только данные и вычислительные мощности, но и качественно новый человеческий капитал, способный к продуктивному взаимодействию с интеллектуальными системами. Согласно прогнозу консалтинговой компании «Яков и Партнёры», к 2030 году экономический эффект от внедрения ИИ в Российской Федерации может достигать 7,9–12,8 трлн руб. в год, или до 5,5 % валового внутреннего продукта [18]. Республика Татарстан, будучи одним из лидеров цифровой трансформации (выручка ИТ-отрасли в 2024 г. — 225 млрд руб., более 3 501 ИТ-компаний, свыше 40 тыс. занятых [19]), одновременно испытывает структурный дефицит ИИ-кадров, что актуализирует задачу теоретико-методологического осмысления развития человеческого капитала в новых условиях. Цель статьи — обосновать концептуальную модель региональной политики развития человеческого капитала для ИИ-экономики применительно к Республике Татарстан.

1. Теоретико-методологические основы исследования

Концепция человеческого капитала была сформирована на рубеже 1950–1960-х гг. в трудах представителей Чикагской экономической школы. Т. Шульц в работе «Investment in Human Capital» обосновал тезис о том, что расходы на образование, здравоохранение, профессиональную подготовку и мобильность рабочей силы должны трактоваться как инвестиции, обеспечивающие рост производительности труда [2]. Г. Беккер в монографии «Human Capital» (1964) развил эту идею, дифференцировав человеческий капитал на общий, применимый у любого работодателя, и специфический, ценный лишь в конкретной организации, а также сформулировав модель экономической отдачи от образования [1]. Дж. Минсер в работе «Schooling, Experience, and Earnings» предложил эконометрическое уравнение, связывающее заработок с продолжительностью обучения и трудового опыта, что положило начало эмпирическому анализу отдачи от образования [3].

Российская школа адаптировала классическую парадигму к условиям транзитивной экономики. А. И. Добрынин и С. А. Дятлов определяют человеческий капитал как «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и производства и тем самым влияют на рост доходов данного человека» [6]. Р. И. Капелюшников, оценивая совокупный человеческий капитал России на уровне

600 трлн руб., фиксирует устойчивую проблему его структурного недоиспользования при формально высоком уровне образования [4; 5].

В условиях формирующейся ИИ-экономики классическая модель требует методологического расширения. Во-первых, востребованными становятся специфические AI-complementary skills: критическое и аналитическое мышление, коммуникация, управление сложными социотехническими системами, креативность. Согласно отчёту Всемирного экономического форума «Future of Jobs 2025», к 2030 году около 40 % базовых навыков работников кардинально изменятся, 59 из 100 работников потребуют переподготовки, 86 % работодателей ожидают трансформирующего воздействия ИИ, а 63 % называют разрыв в навыках главным барьером бизнес-трансформации [7]. Во-вторых, на смену узкой специализации приходит модель T-shaped специалистов, сочетающих глубокую профильную экспертизу с горизонтальной ИИ-грамотностью [8]. В-третьих, формируется категория «AI-readiness» — готовности человеческого капитала к продуктивному применению ИИ-инструментов: по данным McKinsey, 46 % топ-менеджеров называют дефицит навыков основной причиной медленного внедрения ИИ [11]. Параллельно фиксируется риск «AI divide» — нового социально-экономического разрыва между «AI-ready» и «AI-excluded» работниками и регионами [12; 13]. Методологически это позволяет говорить о расширенной концепции «Human Capital 4.0», включающей наряду с классическими компонентами цифровые компетенции, навыки человеко-машинного взаимодействия и адаптивность к технологическим сдвигам.

2. Институциональная рамка развития человеческого капитала для ИИ-экономики в Российской Федерации

Институциональные основы развития человеческого капитала для ИИ-экономики формируются на пересечении двух стратегических документов. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 [14] и обновлённая Указом № 124 от 15.02.2024 [15], формулирует пять направлений (научная база, вычислительная инфраструктура, кадровый потенциал, нормативно-правовая среда, коммерческое внедрение ИИ) и предусматривает рост совокупных затрат на ИИ с 123 до 850 млрд руб. в год и накопленного вклада ИИ в прирост ВВП — до 11,2 трлн руб. к 2030 году. С 2025 года реализация кадрового направления переведена в национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» с совокупным

бюджетом 1,013 трлн руб. на 2025–2030 годы, включающий федеральные проекты «Искусственный интеллект» и «Развитие ИТ-кадрового потенциала» [16]. Вместе с тем, по оценкам Минцифры России, общий дефицит ИТ-специалистов составляет 500–700 тыс. человек, 99 % компаний испытывают трудности с наймом ИИ-специалистов, а конкуренция за вакансию в ИИ-сегменте опустилась ниже двух кандидатов на место [17]. Таким образом, на федеральном уровне создан масштабный программный инструментарий, однако структурный дефицит ИИ-компетенций продолжает усиливаться.

3. Состояние и вызовы развития человеческого капитала для ИИ-экономики в Республике Татарстан

Республика Татарстан занимает опережающее положение в цифровой экономике России. По итогам 2024 года выручка ИТ-отрасли составила 225 млрд руб. (трёхкратный рост к 2019 г.), число ИТ-компаний — 3 501, занятость — свыше 40 тыс. человек (более 3 % работающего населения), средняя зарплата в секторе ИКТ — 115,3 тыс. руб. (первое место среди отраслей) [19]. Особую роль играет кластер «Иннополис» — единственный в стране моногород высоких технологий: 342 резидента ОЭЗ, инвестиции свыше 210 млрд руб., 1 528 студентов из 32 стран в Университете Иннополис [22]. Стратегия Татарстан-2030 определяет регион как «лидера по качеству взаимоувязанного развития человеческого капитала, институтов, инфраструктуры, экономики» [21].

При этом в развитии человеческого капитала для ИИ-экономики выделяются четыре системных вызова. Во-первых, количественный и структурный дефицит ИИ-кадров: ежегодный выпуск ИТ-специалистов вузами республики в 2024 году — 3 765 человек [19], тогда как потребность экономики оценивается приблизительно в 51 тыс. новых работников ежегодно до 2032 года. На федеральном фоне (около 200 тыс. вакансий для ИИ-специалистов при 100–120 тыс. фактически занятых ИИ-инженеров [17]) Татарстан конкурирует за человеческий капитал не только с Москвой и Санкт-Петербургом, но и с глобальным рынком. Во-вторых, разрыв между профилем подготовки и реальным спросом на AI-complementary skills: даже при наличии сильной ИТ-школы (КФУ, КНИТУ-КАИ, Университет Иннополис) большинство программ традиционных специальностей не содержат системного компонента ИИ-грамотности, в результате чего T-shaped профиль выпускника формируется фрагментарно. В-третьих, риск внутрорегионального «AI divide»: концентрация ИИ-инфраструктуры в Казани и Иннополисе при сохранении традиционной экономической специализации в районах республики формирует цифровой

разрыв; не менее значим риск «утечки мозгов» — после 2022 года Россия потеряла от 500 тыс. до 1,2 млн высококвалифицированных специалистов [17]. В-четвёртых, ограниченность механизмов измерения «AI-readiness»: в региональной статистике отсутствует операциональная метрика готовности человеческого капитала к ИИ-экономике, что затрудняет адресное проектирование политики.

4. Концептуальная модель региональной политики развития человеческого капитала для ИИ-экономики

На основе проведённого анализа предлагается концептуальная модель региональной политики Республики Татарстан, выстроенная по четырём взаимосвязанным контурам.

Контур 1 — образовательный. Системная интеграция ИИ-компетенций во все профильные направления подготовки в вузах и колледжах Республики Татарстан в логике T-shaped модели: обязательные модули ИИ-грамотности для бакалавриата всех направлений, расширение онлайн-магистратур в формате AI Talent Hub (ИТМО и Napoleon IT, целевой выпуск свыше 700 ML-инженеров Middle+ к 2025 г.) [20], запуск программ переподготовки взрослого населения. Контур реализует методологическое требование расширения классической инвестиционной парадигмы Г. Беккера [1] на специфические AI-complementary skills.

Контур 2 — научно-инновационный. Закрепление за Республикой Татарстан роли национального центра фундаментальных и прикладных исследований по ИИ через консолидацию ресурсов Института ИИ Университета Иннополис, КФУ, КНИТУ-КАИ и резидентов ОЭЗ. Региональный проект «Прорывные ИТ-решения» (5 млрд руб. на 2025–2029 гг. [20]) целесообразно дополнить отдельным треком грантовой поддержки молодых исследователей по приоритетным направлениям ИИ.

Контур 3 — удержание и привлечение талантов. Формирование региональной программы «AI Talents of Tatarstan», объединяющей льготную ипотеку и арендное жильё в Иннополисе и Казани, гранты на ИИ-стартапы, акселераторы и менторскую поддержку. Программа адресно противодействует риску оттока человеческого капитала, который Р. И. Капелюшников описывал как ключевую угрозу формированию экономики знаний [4]; особое внимание целесообразно уделить возвратной миграции российских ИИ-специалистов.

Контур 4 — измерительный. Внедрение интегрального индикатора «AI-readiness человеческого капитала Республики Татарстан», агрегирующего

показатели по четырём блокам: (1) численность и квалификация ИИ-специалистов; (2) уровень ИИ-грамотности занятого населения; (3) обеспеченность отраслей экономики AI-complementary skills; (4) уровень внутрирегионального цифрового неравенства. Индикатор позволит перевести цели Стратегии Татарстан-2030 [21] в систему измеримых параметров и стать основанием для дифференцированной кадровой политики муниципалитетов. Совокупность четырёх контуров методологически опирается на классическую теорию человеческого капитала [1; 2; 3] в её современной интерпретации [7; 11; 12] и учитывает институциональные рамки национальной стратегии развития ИИ [14; 15] и нацпроекта «Экономика данных» [16].

Заключение

Проведённый теоретико-методологический анализ показал, что переход к экономике искусственного интеллекта требует расширения классической теории человеческого капитала Г. Беккера, Т. Шульца и Дж. Минсера за счёт включения концепций AI-complementary skills, T-shaped specialists и AI-readiness в расширенной модели «Human Capital 4.0». Российская школа (А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Р. И. Капелюшников) сохраняет методологическую значимость, особенно в части анализа структурного недоиспользования накопленного запаса знаний. Применительно к Республике Татарстан выделены четыре системных вызова — количественный и структурный дефицит ИИ-кадров, разрыв между профилем подготовки и спросом на AI-complementary skills, риск внутрирегионального «AI divide» и ограниченность механизмов измерения «AI-readiness», — и обоснована четырёхконтурная концептуальная модель региональной политики (образовательный, научно-инновационный, удерживающий и измерительный контуры), которая может быть использована при актуализации Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. Дальнейшие направления исследований связаны с операционализацией интегрального индикатора «AI-readiness» региона и эконометрической оценкой отдачи от инвестиций в AI-complementary skills.

Список литературы

1. Becker, G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. — New York: NBER; Columbia University Press, 1964. — URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/human-capital-theoretical-and-empirical-analysis-special-reference-education-first-edition>

2. Schultz, T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. — 1961. — Vol. 51, No. 1. — P. 1–17. — URL: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c13570/c13570.pdf>
3. Mincer, J. Schooling, Experience, and Earnings. — New York: NBER; Columbia University Press, 1974. — URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/schooling-experience-and-earnings>
4. Капелюшников, Р. И. Записка об отечественном человеческом капитале : препринт WP3/2008/01. — Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. — 56 с. — URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216406890/WP3_2008_01.pdf
5. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. — 2013. — № 1–2. — URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/506>
6. Добрынин, А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — 309 с.
7. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025. — Geneva : WEF, 2025. — URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/>
8. World Economic Forum. New Economy Skills: Unlocking the Human Advantage. — Geneva : WEF, 2025. — URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_New_Economy_Skills_Unlocking_the_Human_Advantage_2025.pdf
9. Stanford Human-Centered AI Institute. The AI Index Report 2025. — Stanford : Stanford HAI, 2025. — URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>
10. McKinsey Global Institute. A New Future of Work: The Race to Deploy AI and Raise Skills. — McKinsey & Company, May 2024. — URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-that-can-keep-up>
11. McKinsey & Company. Superagency in the Workplace: Empowering People to Unlock AI's Full Potential at Work. — McKinsey & Company, January 2025. — URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/superagency-in-the-workplace-empowering-people-to-unlock-ais-full-potential-at-work>

12. OECD. Artificial Intelligence and Education and Skills. — Paris : OECD, 2025. — URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/artificial-intelligence-and-education-and-skills.html>
13. UNESCO. AI Literacy and the New Digital Divide: A Global Call for Action. — Paris : UNESCO, 2024. — URL: <https://www.unesco.org/ethics-ai/en/articles/ai-literacy-and-new-digital-divide-global-call-action>
14. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. — URL: <http://government.ru/docs/all/124098/>
15. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326>
16. Правительство Российской Федерации. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030). — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/>
17. Рынок искусственного интеллекта в России: вызовы, тенденции, перспективы : аналитический обзор / Деловой ПРОФИЛЬ. — 2025. — URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/>
18. Яков и Партнёры. Искусственный интеллект в России: тренды и перспективы — экономический эффект от внедрения ИИ к 2030 году. — 2025. — URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-2025/>
19. Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. Итоги 2024 года в экономике ИТ-отрасли Татарстана. — Казань, 2025. — URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2377762.htm>
20. Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» в Республике Татарстан. — Казань, 2025. — URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2379468.htm>
21. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года : Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021>

22. Университет Иннополис. Итоги 2024 года и планы на 2025-й : официальный сайт. — Иннополис, 2025. — URL: <https://innopolis.com/ru/media/news/the-results-of-2024-and-innopolis-plans-for-2025>

HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT FOR THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ECONOMY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: CHALLENGES AND REGIONAL POLICY MEASURES

S.M. Shakirov

The article presents a theoretical and methodological analysis of human capital development in the context of the emerging artificial intelligence economy as applied to the Republic of Tatarstan. The classical human capital theory of G. Becker, T. Schultz and J. Mincer is supplemented with the concepts of AI-complementary skills, T-shaped specialists and AI-readiness. Based on the data of the Ministry of Digital Development of the Republic of Tatarstan, the Tatarstan-2030 Strategy and the National AI Strategy, the article identifies key challenges of regional workforce policy and substantiates a four-circuit conceptual model for its improvement.

Keywords: human capital, artificial intelligence, regional economy, Republic of Tatarstan, AI-complementary skills, workforce policy.

Рецензия на статью

Автор(ы)

Ш.М.Шакиров

Название статьи: РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ВЫЗОВЫ И МЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тема развития человеческого капитала для экономики искусственного интеллекта в региональном разрезе напрямую соответствует профилю социально-экономического журнала, ориентированного на цифровую трансформацию, региональную политику и стратегическое развитие. Акцент на Республике Татарстан, Стратегии Татарстан-2030 и региональных программах делает статью особенно релевантной площадке, освещающей экономику и управление в субъекте РФ
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Развитие человеческого капитала для экономики искусственного интеллекта в Республике Татарстан: вызовы и меры региональной политики» точно отражает фактическое содержание.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно отражает структуру и логику статьи: указаны теоретико-методологический характер работы, опора на классическую теорию человеческого капитала с дополнением концепциями AI-complementary skills, T-shaped specialists и AI-readiness, использование данных Минцифры РТ, Стратегии-2030 и национальной стратегии ИИ, а также разработка четырёхконтурной модели. Все заявленные в аннотации элементы развернуты в тексте и находят подтверждение в соответствующих разделах.
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы обоснована через: прогнозируемый экономический эффект от внедрения ИИ в РФ (до 7,9–12,8 трлн руб. в год, до 5,5% ВВП к 2030 г. по оценке «Яков и Партнёры»); лидирующие позиции Татарстана в цифровой трансформации и ИТ-секторе при одновременном структурном дефиците ИИ-кадров.

				Таким образом, развитие человеческого капитала для ИИ-экономики показано как ключевое условие реализации национальных и региональных стратегий.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Автор опирается на классические работы по человеческому капиталу (Becker, Schultz, Mincer), российские исследования (Добрынин, Дятлов, Капелюшников), а также на современные международные отчёты по будущему занятости и ИИ (ВЭФ, McKinsey, Stanford AI Index, OECD, UNESCO). Это демонстрирует хорошее знание как теоретической базы, так и актуальных аналитических материалов по влиянию ИИ на навыки, AI-readiness и новый цифровой разрыв
3				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		В разделе теоретико-методологических основ автор последовательно восстанавливает классическую парадигму человеческого капитала, включая различие общего и специфического капитала, модели отдачи от образования и проблему структурного недоиспользования человеческого капитала в России. Далее эта база расширяется за счёт современных концептов AI-complementary skills, T-shaped специалистов, AI-readiness и риска AI divide, что создаёт связный мост между традиционной теорией и новой реальностью ИИ-экономики
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблема сформулирована как необходимость методологического расширения теории человеческого капитала и разработки региональной модели кадровой политики для ИИ-экономики Татарстана. Цель статьи — обосновать концептуальную модель региональной политики развития человеческого капитала для ИИ-экономики — обозначена чётко, а задачи (теоретическое расширение концепции, анализ федеральной и региональной институциональной рамки, идентификация вызовов, формирование четырёхконтурной модели) логично выстраиваются из структуры работы, хотя не вынесены отдельным списком.
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Работа носит теоретико-концептуальный и аналитический характер, базируясь на:

				анализе классических и современных теоретических источников; анализе стратегических и нормативных документов (национальная стратегия ИИ, нацпроект «Экономика данных», Стратегия Татарстан-2030); использовании официальной статистики по ИТ-отрасли и рынку ИИ. Для такого типа статьи выбранный методологический инструментарий (логико-теоретический анализ, институциональный анализ, концептуальное моделирование) является адекватным, хотя не выделен отдельным методологическим разделом
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы о структурном дефиците ИИ-кадров в Татарстане и России, разрыве между подготовкой и спросом на AI-complementary skills, рисках AI divide и необходимости интегрального индикатора AI-readiness опираются на конкретные численные данные федеральных и региональных источников. Предложенная четырёхконтурная модель логично вытекает из выявленных вызовов и учитывает институциональные рамки национальной политики по ИИ, что делает выводы обоснованными
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Новизна статьи заключается в: интеграции классической теории человеческого капитала с современными концепциями AI-complementary skills, T-shaped specialists, AI-readiness и Human Capital 4.0 на региональном материале Татарстана; идентификации четырёх системных вызовов человеческого капитала для ИИ-экономики Татарстана; разработке четырёхконтурной концептуальной модели региональной политики (образовательный, научно-инновационный, удерживающий и измерительный контуры).
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Предлагаемая концептуальная модель и расширение теории человеческого капитала хорошо сочетаются с современными исследованиями будущего труда, ИИ-экономики, навыков и AI literacy, отражёнными в отчётах ВЭФ, McKinsey, OECD и UNESCO. Статья не вступает в противоречие с актуальными теоретическими трендами, а скорее

				адаптирует их к конкретному региональному контексту.
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Прямо спорных или статистически уязвимых утверждений в статье нет; числовые оценки сопровождаются ссылками на авторитетные источники.
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Текст выдержан в научном стиле с корректным использованием понятийного аппарата экономики, теории человеческого капитала и цифровой трансформации.
5.2	Доступность изложения	да		Изложение остаётся достаточно доступным для профессиональной аудитории экономистов, управленцев и исследователей регионального развития: теоретические конструкции поясняются, статистические показатели вводятся с контекстом, структура статьи логична.
5.3	Корректность терминологии	да		Используемая терминология («человеческий капитал», «AI-complementary skills», «T-shaped specialists», «AI-readiness», «AI divide», «Human Capital 4.0») соответствует современной международной и российской научной повестке и закреплена ссылками на соответствующие отчёты и исследования.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	да		Объем статьи соответствует формату концептуально-аналитической работы: введение, теоретико-методологический раздел, институциональный анализ, характеристика состояния и вызовов, описание модели и заключение.
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Список литературы включает классические монографии, российские исследования, международные аналитические отчёты, официальные нормативно-правовые акты и региональные документы, все с указанием реквизитов и URL. Оформление единообразно и соответствует базовым требованиям научных журналов к библиографическому списку.
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Сильная теоретико-методологическая база, соединяющая классику человеческого капитала с новой повесткой ИИ и Human Capital 4.0. Глубокий институциональный и статистический анализ федерального и регионального контекстов (национальная стратегия ИИ, нацпроект «Экономика данных», Стратегия Татарстан-2030, данные Минцифры РТ).		

		Четко структурированная и практически применимая четырёхконтурная модель региональной кадровой политики для ИИ-экономики Татарстана.
6.2	Отрицательные качества	Отсутствие эмпирической проверки предложенной модели (например, пилотных расчётов индикатора AI-readiness или кейсов по отдельным контурам). Нераскрытость методики будущей операционализации интегрального индикатора AI-readiness (набор конкретных показателей, источники, весовые схемы).
6.3	Замечания и предложения	Укрепить методологический раздел, кратко описав используемые методы анализа (тип анализа документов, подход к выбору источников, логика построения модели). В перспективе (или в приложении) предложить предварительную структуру индикатора AI-readiness с перечнем конкретных индикаторов по четырём блокам и вариантами их измерения

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

- 1. Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 29.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ДОЛГОВОЙ АКТИВНОСТИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Б.Л. Сафиуллин, М.И.Прыгунова⁵

*ОСП «Центр перспективных экономических исследований Академии
наук Республики Татарстан»*

Для цитирования: Сафиуллин Б.Л., Прыгунова М.И. *Региональная структура инвестиционной и долговой активности домашних хозяйств Российской Федерации* // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 55–63.

В работе исследуется региональная дифференциация финансовой активности домашних хозяйств Российской Федерации. Предметом исследования выступает структура финансовой активности домохозяйств по формированию инвестиций, сбережений и обязательств в регионах России. На основе региональных показателей объема накопленных средств на банковских депозитах, объемов активов на обслуживании у брокеров, объемов задолженности и уровня закредитованности предложена система разделения субъектов Российской Федерации на группы по уровням по уровню соотношения инвестиционной и долговой активности населения. В результате исследования выявлена выраженная межрегиональная неоднородность финансовой активности домашних хозяйств, а также выделены приоритетные направления развития для проработки текущих рисков финансовому благосостоянию домохозяйств и сохранению высокого потенциала социально-экономического развития регионов.

Ключевые слова: домашние хозяйства, региональная экономика, финансовая активность населения, региональная дифференциация, региональное социально-экономическое развитие, закредитованность населения, инвестиционная активность.

Введение

Благополучие сектора домашних хозяйств в экономической системе имеет ключевое значения для устойчивого социально-экономического развития

⁵ Б.Л.Сафиуллин (safbulen@gmail.com), аспирант 3 курса, М.И.Прыгунова, к.э.н., доцент, заместитель директора по общим вопросам

государства, так как домохозяйства играют важную роль в производстве, распределении и потреблении экономических ресурсов, в особенности в развитии и предоставлении в пользование другим субъектам экономики такого важнейшего ресурса как человеческий капитал [1]. При этом домашние хозяйства выступают не только ключевым основными конечными потребителями товаров и услуг, определяя уровень совокупного спроса, но и значимыми субъектами сбережения, инвестирования, заимствования и иных финансовых решений, оказывающих влияние на воспроизводственные процессы в экономике. По этой же причине на региональном уровне совокупное поведение домашних хозяйств имеет особую значимость, выступая важным фактором для экономического развития территорий. В то же время условия в которых домашние хозяйства осуществляют свою деятельности значительно различаются от региона к региону в России[2,3], что формирует региональную дифференциацию по уровню благосостояния домашних хозяйств, структуре их активов и обязательств, степени вовлеченности в финансовую деятельности, характере принимаемых ими финансовых решений [4]. В результате в регионах Российской Федерации складываются различные модели финансового поведения домохозяйств, характеризующиеся неодинаковым соотношением сберегательной, инвестиционной и долговой активности населения. Данная региональная неоднородность определяет необходимость проработки адресных мер по снижению регионально дифференцированных рисков и уязвимостей домашних хозяйств для сохранения стабильности регионального социально-экономического развития, что предопределяет актуальность своевременного выявления и анализа данных пространственных неоднородностей.

Цель исследований

Целью исследования является выявление региональных различий в финансовой активности домашних хозяйств Российской Федерации.

Условия, материалы и методы

Для оценки региональной дифференциации финансовой активности домашних хозяйств применялись показатели инвестиционной, сберегательной и долговой активности населения. Информационную базу исследования составили статистические и аналитические материалы Банка России, бюро кредитных историй и профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Результаты и обсуждение

По показателям уровня задолженности, просроченной задолженности, объема вкладов в банках и активов на брокерском обслуживании, и общего уровня закредитованности по состоянию на конец 2025 года регионы России можно разделить на несколько групп [5,6,7]:

1. Группа повышенной долговой активностью и низкой инвестиционно-сберегательной активностью населения (группа повышенного риска) – к данной группе мы относим субъекты РФ с высоким уровнем объемов задолженности относительно низкого уровня объемов вкладов физ.лиц в банках и активов на брокерском обслуживании (с отношением задолженности к активам в банках и на брокерском обслуживании более 100%) и со сравнительно высоким уровнем закредитованности (более 15%): Республика Тыва, Республика Калмыкия, Ленинградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, а также Республика Бурятия (с показателем закредитованности 14,9%). Данная группа характеризуется как высокой долговой нагрузкой, так и низким уровнем обеспеченности заемных средств ликвидными активами в условиях значительно низкого участия домохозяйств в сбережении средств и инвестициях на финансовых рынках, что свидетельствует как о высоких рисках потери финансовой устойчивости для самих домохозяйств, так и о повышенных рисках невозвратности кредитных средств для финансовой системы региона.

2. Группа сбалансированной финансовой активности населения (группа умеренного риска) – к данной группе мы относим субъекты РФ с сопоставимыми объемами задолженности и вкладов физ.лиц в банках и активов на брокерском обслуживании (соотношение 50-100%) при среднем уровне закредитованности населения (порядка 12-15%): Рязанская область, Пензенская область, Московская область, Оренбургская область, Новосибирская область, Калужская область, Саратовская область, Ульяновская область, Тульская область, Томская область, Волгоградская область, Челябинская область, Приморский край, Тюменская область, Кировская область, Курганская область, Тверская область, Иркутская область, Пермский край, Кемеровская область – Кузбасс, Вологодская область, Краснодарский край, Красноярский край, Омская область, Хабаровский край, Ростовская область, г. Севастополь. В пограничной зоне данной группы со стороны меньшего уровня закредитованности населения располагаются Алтайский край с соотношением объемов задолженности к активам в банках и на обслуживании у брокеров 75%, при относительно низком уровне закредитованности населения – 11,75%, Амурская область – 76% и

11,21% соответственно, Еврейская автономная область – 75% и 9,99% соответственно, Чукотский автономный округ – 80% и 6,68% соответственно и Забайкальский Край – 97% и 9,57%, данные регионы при низком уровне давления обязательств сохраняют умеренный уровень покрытия обязательств ликвидными активами.

3. Группа высокой инвестиционно-сберегательной активности (группа низкого риска)– к данной группе мы относим субъекты РФ с низким уровнем объемов задолженности относительно высокого уровня объемов вкладов физ.лиц в банках и на рынках ценных бумаг (с отношением задолженности к активам в во вкладах и на обслуживании брокеров менее 65%) и со сравнительно низким уровнем закредитованности (менее 12%): Свердловская область, Новгородская область, Ярославская область, Курская область, Ивановская область, Архангельская область, Костромская область, Брянская область, Тамбовская область, Республика Крым, Нижегородская область, Липецкая область, Белгородская область, Псковская область, Смоленская область, Республика Коми, г. Москва, Орловская область, Республика Карелия, Сахалинская область, Камчатский край, Мурманская область, Магаданская область. Данная группа регионов характеризуется повышенной финансовой устойчивостью населения, с высокой степенью обеспеченности заемных средств ликвидными активами, и низким давлением долговых обязательств на доходы домохозяйств. К данной группе также можно отнести г. Санкт-Петербург, у которого несмотря на то, что закредитованность населения достигает 13,49%, соотношение задолженности к высоколиквидным активам составляет 29%, что свидетельствует о высоком уровне обеспеченности обязательств. По той же логике в данную группу мы включаем Калининградскую область, Владимирскую область, Самарскую область и Воронежскую область с показателями менее 48% по обеспеченности задолженности и 13,5% по закредитованности.

4. Группа несбалансированной структуры финансовой активности населения, объединяющая 2 подгруппы: 1) регионы с высоким уровнем закредитованности населения (более 15%) с относительно высокой степенью покрытия финансовых обязательств финансовыми активами (соотношение задолженности по кредита к вкладам менее 100%) – Чувашская Республика, Республика Башкортостан, Ставропольский край, Удмуртская Республика, Астраханская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан; 2) регионы с низким уровнем закредитованности (менее 12,6%), но низким уровнем покрытия долговых обязательства активами в

банковских вкладах (соотношение задолженности по кредита к вкладам более 100%) – Республика Северная Осетия – Алания, Республика Адыгея, Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика.

5. Группа регионов с низкой финансовой активностью населения, у которых как объемы задолженности физ.лиц, так и суммарные объемы активов физ. лиц во вкладах и на обслуживании у брокеров составляют менее 100 млн руб.: Республика Ингушетия (29 млн руб. и 21,7 млн руб.), Республика Дагестан (61,3 млн руб. и 59,6 млн руб.), Чеченская Республика (52,9 млн руб. и 32,9 млн руб.). Данные регионы также являются единственными субъектами РФ с долей просроченной задолженности более 14%, при этом ближайший по данному показателю регион Республика Северная Осетия – Алания имеет 10,1%, а у 75 из 85 субъектов доля не превышает 7% (общее количество субъектов представлено без учёта Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей). В то же время при достаточно низком уровне за кредитованности (менее 11%), соотношение задолженности к активам физ. лиц (в банках и у ПУРЦБ) превышает 100%, а в Чеченской Республике достигает 211%. Таким образом данная группа характеризуется как низкой включенностью в финансовую деятельность, так и низким уровнем финансовой ответственности.

Несмотря на то, что данное распределение регионов носит относительно условный характер, оно позволяет выявить текущие территориальные тенденции по формированию финансовой устойчивости домохозяйств и, в особенности, определить проблемные зоны, характеризующиеся высокой подверженностью финансовым рискам и уязвимостью к шокам. Так, первая группа регионов, характеризуемая активным, но наименее устойчивым финансовым поведением населения, при котором решения по заимствованию и потреблению значительно преобладают над решениями по сбережению и инвестированию, требует значительно более пристального внимания и координации действий профильных служб, направленных на регулирования процессов кредитования населения и формирования устойчивых моделей поведения домашних хозяйств. В контексте развития финансовых технологий повышение доступности получения заемных средств для регионов данной группы может выступить значимым фактором повышения рисков утраты финансовой устойчивости населением, с сопутствующим ростом социально-экономической напряженности. В то же время при высоком уровне качества проведения работ по повышению финансовой культуры домохозяйств и стимулирования перехода от потребительских моделей поведения к сберегательно-инвестиционным

цифровые финансовые инвестиционные продукты за счет своей высокой технической доступности могут стать значимым инструментом повышения инвестиционной активности населения.

Для второй и четвертой групп регионов, чуть менее подверженных рискам финансовой устойчивости населения, также будут справедливы данные рекомендации, при этом представляется целесообразным сместить акцент в большей мере на повышение общей инвестиционно-сберегательной активности, при сохранении значительного внимания на осуществлении превентивного мониторинга и контроля за динамикой ключевых финансовых показателей домохозяйств. В частности, важным направлением будет развитие систем регулярного мониторинга долговой нагрузки, структуры финансовых активов и обязательств и уровня вовлеченности в финансовые отношения, для своевременного выявления отклонений и предотвращения перехода регионов в группы повышенного риска.

Для пятой группы регионов с наименее активным финансовым поведением населения ключевыми задачами является определение факторов пассивности финансового поведения населения и излишне консервативных моделей принятия финансовых решений. Наиболее очевидным будем предположить первопричиной как общую инфраструктурную неразвитость, так и коллективные особенности проживающих на их территории домохозяйств, в частности социокультурные и этноконфессиональные особенности. Для данных регионов особенно актуальным будет являться разработка адаптированных под данные особенности мероприятий по повышению финансовой грамотности, а также развития специализированных финансовых продуктов, которые были бы более предпочтительны и привлекательны для населения данных регионов (например, подходящих под нормы шариата, а также развитие исламского банкинга).

Для группы регионов с наиболее финансово-устойчивым населением важным будет дальнейшее поддержание стабильности, с продолжением развития финансового благосостояния населения. В то же время с учетом общероссийских тенденций, выявленных нами в предыдущих параграфах данной главы, а также значительного структурного дисбаланса в сторону центральных для страны по своему значению субъектов, а именно г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, вносящих наибольший вклад в финансовые показатели населения России, важной задачей является проработка мер по достижению более равномерного распределения финансового благосостояния по территории страны. В данном контексте, именно развитие цифровых и финансовых технологий должно стать ключевым драйвером общетерриториального

повышения финансового благосостояния домашних хозяйств, с сопутствующим улучшением параметров региональной экономической динамики. При этом неравномерное распространение цифровой финансовой инфраструктуры по территории страны, а также неравный уровень включенности домохозяйств разных регионов в использование новейших финансовых продуктов могут выступать значимыми факторами не только сохранения, но и усиления межрегионального социально-экономического неравенства. Так, в регионах с более высоким уровнем развития и интеграции цифровых технологий, а также большей вовлеченностью населения в финансовые отношения с их использованием, повышение цифровизации и внедрение финансовых технологий может поспособствовать повышению эффективности распределения финансовых ресурсов, росту инвестиционной активности и, как следствие, более динамичному социально-экономическому развитию, в то время как в регионах с меньшим уровнем развитости цифровой финансовой инфраструктуры и меньшей включенностью населения в ее использование данные процессы будут протекать значительно медленнее, что может в последствии привести к увеличению межрегионального экономического разрыва и повышению социально-экономической напряженности.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает наличие существенной региональной дифференциации финансовой активности домашних хозяйств Российской Федерации. Определены группы субъектов РФ по уровню долговой и инвестиционно-сберегательной активности домохозяйств. Для каждой группы были выделены приоритетные направления развития для проработки текущих рисков финансовому благосостоянию домохозяйств и сохранению высокого потенциала социально-экономического развития регионов, значимую роль в которых играет глубокая интеграция цифровых и финансовых технологий, а также разработка адресных мер по повышению финансовой грамотности и финансовой вовлеченности домашних хозяйств.

Список литературы

1. Баниева М.А. Финансы домашних хозяйств региона: монография / М.А. Баниева, О.Г. Батуева // ФГБОУ ВО «БГСХА имени В.Р. Филиппова». – Улан-Удэ: БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2021. – 181 с.

2. Степаненкова, Н. М. Применение кластерного анализа для оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Н. М. Степаненкова, М. А. Степаненкова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 11. – С. 4225-4236. – DOI 10.18334/ce.15.11.113764
 3. Селезнева И.А. Социально-экономическое развитие регионов России: факторы и тенденции. // М.: Финансовый университет, 2021. – 216 с.
 4. Кумачева С.Ш., Михеева А.С. Региональные особенности финансового поведения: выявление ключевых факторов и разработка адаптивных стратегий // Экономика и управление. 2025. – Т. 31. № 7. – стр. 914–922. – DOI:10.35854/1998-1627-2025-7-914-922.
 5. Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй: офиц. сайт Банка России [Электронный ресурс] // Финансовая стабильность. Банк России. – URL: <https://www.cbr.ru/analytics/finstab/bki/> (Дата обращения 23.03.2026)
 6. Сведения о размещенных и привлеченных средствах: офиц. сайт Банка России [Электронный ресурс] // Финансовая стабильность. Банк России. – URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (Дата обращения 23.03.2026)
 7. Количество клиентов и объем клиентских активов ПУРЦБ в разрезе субъектов Российской Федерации и стран мира, в том числе по сегменту ИИС: офиц. сайт Банка России [Электронный ресурс] // Рынок ценных бумаг. Банк России. – URL: <https://cbr.ru/statistics/rcb/> (Дата обращения 23.03.2026)
-

REGIONAL STRUCTURE OF INVESTMENT AND DEBT ACTIVITY OF HOUSEHOLDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

B.L. Safiullin, M.I. Prygunova

Abstract. The paper examines the regional differentiation of household financial activity in the Russian Federation. The subject of the study is the structure of household financial activity related to the formation of investments, savings, and liabilities across Russian regions. Based on regional indicators of accumulated funds in bank deposits, assets under brokerage services, debt volumes, and the level of household indebtedness, a system for grouping the constituent entities of the Russian Federation according to the ratio of investment and debt activity of the population is proposed. The study revealed a pronounced interregional heterogeneity in household financial

activity and identified priority areas for addressing current risks to household financial well-being and maintaining the socio-economic potential of regional development.

Keywords. Households, regional economy, household financial activity, regional differentiation, regional socio-economic development, household indebtedness, investment activity.

Рецензия на статью

Автор(ы)

Б.Л. Сафиуллин, М.И. Прыгунова

Название статьи: РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ДОЛГОВОЙ АКТИВНОСТИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тема региональной структуры финансовой активности домохозяйств, её связи с социально-экономическим развитием и рисками финансовой устойчивости полностью соответствует экономическому и регионологическому профилю «Электронного экономического вестника Татарстана». Использование официальной статистики по российским регионам и выход на практические рекомендации по региональной политике делает статью релевантной аудитории издания
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Региональная структура инвестиционной и долговой активности домашних хозяйств Российской Федерации» адекватно отражает фактический фокус: статья описывает именно региональные различия в инвестиционно-сберегательной и долговой активности домохозяйств и строит типологию субъектов РФ по соответствующим показателям.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно передаёт: предмет исследования (структура финансовой активности домохозяйств по инвестициям, сбережениям и обязательствам в регионах РФ); используемый эмпирический базис (депозиты, активы у брокеров, задолженность, закредитованность); ключевой результат (система группировки регионов по соотношению инвестиционной и долговой активности и выявление межрегиональной неоднородности).
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность обоснована через ключевую роль домохозяйств в экономике (как потребителей, инвесторов, заёмщиков и носителей человеческого капитала) и значимость их финансового поведения для устойчивости социально-экономического развития регионов. Дополнительно подчёркиваются существенные

				различия условий по регионам, приводящие к региональной дифференциации благосостояния, структуры активов и обязательств и моделей финансового поведения, что обосновывает необходимость пространственного анализа и адресных мер.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Обзор литературы компактный, но по теме сфокусирован: монография о финансах домашних хозяйств региона; работы по социально-экономической дифференциации регионов и кластерному анализу; статья о региональных особенностях финансового поведения и адаптивных стратегиях. Дополнительно использованы официальные материалы Банка России и статистика по кредитованию, депозитам и активам домохозяйств. Для узко эмпирической статьи этого объёма подбор источников выглядит достаточным, хотя можно было бы расширить блок по зарубежным исследованиям финансовой активности домохозяйств и закредитованности
3				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Во введении авторы корректно описывают роль сектора домашних хозяйств в экономике и на региональном уровне, подчёркивая различия между регионами по условиям жизни, благосостоянию, структуре активов и обязательств и вовлечённости в финансовую деятельность. Показано, что это приводит к формированию различных моделей финансового поведения с разным соотношением сберегательной, инвестиционной и долговой активности и, как следствие, к неодинаковым рискам и уязвимостям
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблема сформулирована как необходимость выявления пространственных неоднородностей в финансовой активности домохозяйств и построения групп регионов с различным сочетанием инвестиционно-сберегательной и долговой активности для последующей выработки адресных мер. Цель исследования обозначена чётко — выявление региональных различий в финансовой активности домашних хозяйств РФ; задачами фактически

				выступают: выбор индикаторов, группировка регионов и формулировка приоритетных направлений развития для каждой группы, что последовательно реализуется в тексте
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Используется индикативно-типологический подход: на основе региональных показателей задолженности, просрочки, вкладов и активов у брокеров и уровня закредитованности регионы делятся на пять групп, характеризующихся различным уровнем риска. Информационная база (данные Банка России, бюро кредитных историй, статистика по клиентским активам на рынке ценных бумаг) для заявленной цели адекватна; методика группировки описана через пороговые значения соотношения задолженности к активам и уровней закредитованности. Формально методы (кластеризация, ранжирование, пороговое деление) не названы, но логика построения групп прослеживается
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы опираются на конкретные численные показатели по регионам: соотношение задолженности к активам (депозиты + брокерские активы); уровень закредитованности; объёмы задолженности и активов; доли просроченной задолженности. Группировка регионов и оценка их риск-профиля (повышенный риск, умеренный риск, низкий риск, несбалансированная структура, низкая финансовая активность) логично следуют из этих данных и описанных порогов, а дальнейшие рекомендации по каждому кластеру соответствуют выявленным характеристикам
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Оригинальность статьи заключается в построении авторской системы группировки субъектов РФ по соотношению инвестиционно-сберегательной и долговой активности домохозяйств с использованием комплексных показателей (задолженность, активы на депозитах и у брокеров, закредитованность, просрочка). Дополнительно новыми являются адресные предложения по направлениям регулирования и мер по повышению финансовой устойчивости для каждой

				выделенной группы регионов, в том числе с учётом социокультурных особенностей (например, предложения по исламскому банкингу)
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Результаты вписываются в современную повестку исследований по региональной дифференциации, финансовому поведению домохозяйств и закредитованности населения, опираясь на актуальные данные Банка России и свежие работы по региональным особенностям финансового поведения. Статья развивает эти подходы, конкретизируя их для масштабного набора региональных индикаторов и вводя прикладную типологию регионов.
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Спорных или статистически некорректных утверждений в явном виде не выявляется, авторы аккуратно оговаривают условность предложенного распределения регионов. Дискуссионным можно считать трактовку регионов с низкой финансовой активностью как имеющих «низкий уровень финансовой ответственности» — такая оценка может требовать более осторожной формулировки, учитывая роль инфраструктурных и институциональных факторов.
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Язык статьи в целом соответствует научному стилю: используются термины экономической и финансовой тематики, логика изложения последовательна, ссылки оформлены корректно.
5.2	Доступность изложения	да		Текст остаётся достаточно доступным для экономистов-практиков, региональных аналитиков и студентов старших курсов: структура проста и понятна (введение – цель – методика – результаты – выводы), показатели объяснены, группировка регионов описана внятно. Обсуждение рекомендаций по группам изложено на ясном и прикладно-ориентированном языке.
5.3	Корректность терминологии	да		Термины «домашние хозяйства», «финансовая активность», «инвестиционно-сберегательная активность», «закредитованность», «финансовая устойчивость», «финансовая грамотность» используются в соответствии с устоявшейся экономической терминологией.

5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	да		Объём статьи соответствует формату эмпирического исследования с одним ключевым аналитическим блоком (группировка регионов и обсуждение результатов). В тексте подробно перечисляются регионы по группам, однако отсутствуют таблицы или карты, которые могли бы значительно повысить наглядность и облегчить восприятие больших перечней; это потенциал для улучшения.
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Библиография компактна, но включает основные тематические источники (финансы домохозяйств, региональная дифференциация, финансовое поведение) и официальную статистику Банка России с указанием URL и дат обращения. Оформление единообразно и соответствует базовым требованиям научных журналов
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Актуальная экономическая и социально значимая тематика, связанная с финансовой устойчивостью домохозяйств и региональным развитием. Использование актуальной официальной статистики (Банк России, кредитные бюро, данные по клиентским активам на рынке ценных бумаг) и построение содержательной типологии регионов по соотношению долговой и инвестиционно-сберегательной активности. Наличие практико-ориентированных рекомендаций по направлениям регулирования и развития финансовой грамотности и цифровых финансовых технологий для разных групп регионов		
6.2	Отрицательные качества	Методика формирования групп регионов описана в терминах порогов, но без формальной статистической проверки (кластерный анализ, тесты устойчивости кластеров и т.п.). Отсутствие табличного или картографического представления результатов осложняет восприятие больших перечней регионов. Обзор литературы преимущественно отечественный и довольно краткий; зарубежные исследования по закредитованности домохозяйств и региональным различиям могли бы усилить теоретическую базу.		
6.3	Замечания и предложения	Развить методологический раздел, более чётко описав алгоритм группировки регионов: - указать, использовались ли какие-либо статистические процедуры (кластерный анализ, нормализация показателей) помимо порогов; - обосновать выбор пороговых значений для соотношения задолженности к активам и уровней закредитованности.		

		Ввести хотя бы одну сводную таблицу с перечнем регионов по группам и основными показателями, а по возможности — карту или схему, что сделает результаты визуально наглядными.
--	--	---

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 29.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

III. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЦИФРОВАЯ РЕНТА В ЭКОСИСТЕМАХ ПЛАТФОРМ: ТИПОЛОГИЯ, МЕХАНИЗМЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Г.Ф.Муртазина⁶

ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»

Для цитирования: Муртазина Г.Ф. Цифровая рента в экосистемах платформ: типология, механизмы извлечения и эмпирическая оценка // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 70–81.

Предметом исследования выступают отношения по формированию, присвоению и распределению цифровой ренты в экосистемах цифровых платформ. Цель статьи — теоретически обосновать типологию форм цифровой ренты и провести эмпирическую оценку её извлечения на материале ведущих российских маркетплейсов. Метод и методология. Исследование опирается на синтез политэкономического и институционального подходов. Используются методы сравнительного анализа, политэкономической реконструкции категории ренты, кейс-анализ трёх крупнейших российских маркетплейсов (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет), нормирование качественных индикаторов по пятиступенчатой шкале и агрегация через средневзвешенное. Результаты. Уточнено понятие цифровой ренты как дохода, извлекаемого платформой в силу контроля над цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмами. Предложена классификация, включающая пять форм цифровой ренты: алгоритмическую, инфраструктурную, данновую, сетевую и экосистемную. На эмпирическом материале показано, что за 2020–2025 гг. интегральный индекс рыночной власти трёх ведущих российских маркетплейсов возрос на 56–108% при устойчивом росте комиссий и расширении перечня платных сервисов. Выявлено явление рентной асимметрии: доля платформ в валовой выручке экосистемы растёт быстрее, чем доход продавцов. Область применения.

⁶ Г.Ф.Муртазина (g.f.murtazina@gmail.com), к.э.н., доцент

Результаты применимы в антимонопольной политике, при совершенствовании законодательства о платформенной экономике, в вузовских курсах экономической теории. Выводы. Цифровая рента утверждается как доминирующая форма дохода платформ, системно замещающая предпринимательскую прибыль, что требует переосмысления категориального аппарата экономической теории и дифференцированного регуляторного инструментария.

Ключевые слова: цифровая рента, платформенная экономика, маркетплейсы, рыночная власть, алгоритмический капитализм, экосистемы, политическая экономия, рентоориентированное поведение.

Введение. Начало XXI века ознаменовано фундаментальной трансформацией механизмов экономической координации: вертикально интегрированную фирму и классический ценовой рынок всё более отчётливо сменяют цифровые платформы, формирующие качественно новый тип хозяйственной организации. По оценке Э.Н.Гавриловой, совокупная стоимость, генерируемая российскими цифровыми платформами, в 2024 году достигла 5,68 трлн руб., что составляет около 4,8% валового внутреннего продукта [4, с. 21]. Доклад НИУ ВШЭ под редакцией Л.М.Гохберга подтверждает масштабность процесса и указывает на формирование в России самостоятельной модели платформенной экономики, в значительной мере автономной от глобальных экосистем [9].

Одна из наиболее значимых, но недостаточно теоретически осмысленных черт этой трансформации — изменение природы дохода, извлекаемого владельцами цифровых платформ. Если в индустриальную эпоху доминирующей формой дохода крупной корпорации выступала предпринимательская прибыль, то в платформенной экономике всё отчётливее проявляется иная форма присвоения — рента. И.М.Степнов и Ю.А.Ковальчук обосновали концепцию сверхприбыли цифровых рантье, показав, что платформа получает доход не от самостоятельного производства товаров или услуг, а от контроля над инфраструктурой взаимодействий, данными и сетевыми эффектами [15, с. 108–110]. Ю.В.Разовский и соавторы зафиксировали формирование устойчивой сверхнормативной доходности в цифровом секторе, сопоставимой по механизму извлечения с природной рентой [12, с. 38]. Н.Срничек предложил политэкономическую рамку анализа платформенного капитализма, в которой платформы рассматриваются как структуры, присваивающие данные в качестве нового ключевого ресурса [19, с. 38–52].

Вместе с тем теоретическая разработка категории цифровой ренты остаётся фрагментарной. В ранее опубликованной работе автора, прослеживающей эволюцию представлений об экономической ренте от аграрных корней до цифровой эпохи, отмечалось, что понятийный аппарат, сформированный в рамках классической политической экономии, требует существенного дополнения с учётом специфики платформенных механизмов извлечения дохода [5, с. 40]. Е.С.Пташкина и А.А.Султанова, анализируя структурные особенности российской платформенной экономики, указывают на необходимость типологизации форм цифровой ренты с учётом институциональной гетерогенности платформенных экосистем [11, с. 3170]. Актуальность настоящего исследования определяется, таким образом, не только масштабом самого явления, но и наличием лакуны в экономико-теоретическом осмыслении цифровой ренты как системообразующей категории современного хозяйства.

Практическая значимость работы возрастает в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [1], впервые на законодательном уровне признавшего маркетплейсы полноценными участниками торговых операций. Эффективность реализации закона, вступающего в силу в октябре 2026 года, во многом зависит от адекватного понимания механизмов формирования и распределения платформенной ренты, которые и являются предметом исследования.

Цель исследований. Цель работы — разработка типологии форм цифровой ренты в экосистемах платформ и эмпирическая оценка динамики её извлечения на материале российских маркетплейсов. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: уточнить понятие цифровой ренты в соотношении с классическими и неоклассическими трактовками рентных отношений; обосновать типологию форм цифровой ренты по источнику её извлечения; выявить динамику параметров извлечения цифровой ренты на ведущих российских маркетплейсах в 2020–2025 гг.; сформулировать направления регуляторного воздействия, учитывающие специфику каждой из выделенных форм.

Условия, материалы и методы. Методологическую основу работы образует синтез политэкономического и институционального подходов. Политэкономический подход позволяет трактовать платформу как исторически конкретную форму организации капитала, в которой присвоение прибавочной стоимости опосредуется алгоритмическим управлением взаимодействиями [19, с. 38]. Институциональный подход раскрывает платформу как совокупность

формальных и неформальных правил, задающих структуру транзакционных издержек участников; в этом отношении принципиальное значение имеют работы Ю.М.Осипова, Т.Н.Юдиной и И.З.Гелисханова, квалифицирующих платформу как институт эпохи технологического прорыва [8, с. 24–26], а также А.В.Шевчука, показавшего двойственную природу платформы как инструмента координации и одновременно контроля [18, с. 36–40].

Эмпирическую базу составляют аналитические материалы Федеральной антимонопольной службы по рынку маркетплейсов [2]; отчётность ПАО «Ozon Holdings PLC» и МКПАО «Яндекс» за 2020–2024 гг.; данные Ассоциации компаний интернет-торговли [3]; материалы доклада НИУ ВШЭ о потенциале развития платформенной экономики в России [9]; сведения реестра самозанятых ФНС России. Объектами эмпирической верификации выбраны три крупнейших российских маркетплейса — Wildberries, Ozon и Яндекс Маркет, совокупная доля которых на рынке маркетплейс-услуг, по оценке ФАС, превышает 80%.

Оценка извлечения цифровой ренты выполнена в форме сравнительного кейс-анализа с экспертной квантификацией параметров через косвенные индикаторы. Количественные индикаторы (доля рынка, уровень и динамика комиссий, доля самозанятых среди контрагентов) нормированы линейно в диапазоне [0; 1]. Качественные индикаторы (степень алгоритмической непрозрачности, возможность оспорить решения платформы, переговорная позиция участников) оценены методом экспертного балльного оценивания по пятиступенчатой шкале: 0 — признак отсутствует, 0,25 — выражен слабо, 0,50 — умеренно, 0,75 — сильно, 1,0 — предельно. Агрегация индикаторов проведена как средневзвешенная с равными весами внутри каждой группы; такой приём допустим при пилотной оценке ввиду отсутствия эмпирических оснований для дифференциации весов [7, с. 54–56]. Временной горизонт анализа — 2020–2025 гг.

Результаты и обсуждение. Разработка типологии цифровой ренты требует предварительного уточнения самой категории. В классической политической экономии рента трактовалась как доход от владения ограниченным ресурсом, не воспроизводимым свободно; парадигматический пример — земельная рента Д.Рикардо. Неоклассическая теория расширила понятие до квазиренты, включая доход от любого специализированного актива, используемого в производстве. Современные институциональные трактовки, развитые в работах А.Е.Шаститко [17, с. 512–516], связывают ренту с доходом, извлекаемым благодаря институциональным ограничениям конкуренции. Применительно к платформенной экономике представляется целесообразным определять

цифровую ренту как доход, получаемый платформой в силу контроля над цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмами, создающего устойчивую институциональную асимметрию во взаимодействиях участников. Существенная характеристика такого дохода — его структурная независимость от прямого производственного вклада платформы: владелец платформы извлекает его в силу самого факта контроля над координационными механизмами.

На основе анализа политэкономической и институциональной литературы предлагается выделить пять форм цифровой ренты, различающихся по источнику извлечения (таблица 1).

Таблица 1
Типология форм цифровой ренты в экосистемах платформ

Форма ренты	Источник извлечения	Механизм формирования	Примеры на российских платформах
Алгоритмическая	Контроль над алгоритмами ранжирования и распределения заказов	Непрозрачность критериев видимости; платная реклама как условие попадания в выдачу	Wildberries: система «продвижения»; Ozon: маркетинговые услуги продавцам
Инфраструктурная	Владение логистической и платёжной инфраструктурой	Обязательное использование фулфилмента и эквайринга платформы; тарифы растут быстрее издержек	Сборы за FBO/FBS, плата за обработку возвратов, эквайринг
Данновая	Присвоение поведенческих данных участников	Асимметрия в доступе к данным: платформа видит всю экосистему, продавец — только свой кабинет	Аналитические сервисы, продаваемые продавцам; внутренняя конкуренция СТМ и private-label
Сетевая	Прямые и перекрёстные сетевые эффекты	Рост ценности платформы с числом участников делает переключение	Удержание продавцов при повышении комиссий;

		невозможным для существенной массы контрагентов	отсутствие сопоставимых альтернатив
Экосистемная	Интеграция разнородных сервисов в единую экосистему	Кросс-субсидирование: прибыльные сервисы финансируют вход в новые сегменты, создавая барьеры для специализированных конкурентов	Связки «Яндекс Плюс» — Маркет — Еда — Такси; СберПрайм — Мегамаркет — Доставка

Источник: составлено автором

Каждая из выделенных форм опирается на самостоятельный источник институционального контроля. Алгоритмическая рента наиболее полно описана в исследованиях Л.С.Плехановой, И.С.Машина и Н.С.Павловой: даже относительно небольшие платформы способны извлекать существенную сверхприбыль за счёт непрозрачных алгоритмов ранжирования, переводящих часть выручки продавцов в рекламные бюджеты [10, с. 92–97]. Инфраструктурная рента сближается с классической монопольной: единая логистическая сеть платформы образует «существенное средство» в смысле антимонопольного права, дублирование которого экономически нецелесообразно. Данная рента представляет собой специфическое для цифровой эпохи явление: как показала Ш.Зубофф в работе о надзорном капитализме, присвоение «поведенческого излишка» становится источником устойчивой информационной асимметрии в пользу платформы [20]. Сетевая рента производна от положительной обратной связи между числом участников и ценностью платформы; А.И.Шайдуллин на российских данных подтвердил наличие устойчивых сетевых эффектов в сегменте маркетплейсов [16, с. 410–413]. Экосистемная рента, согласно Н.М.Розановой, формируется благодаря возможности платформы кросс-субсидировать развитие новых сервисов за счёт прибыльных направлений, что создаёт специфические барьеры для специализированных конкурентов [13, с. 17–19].

Для эмпирической оценки выраженности форм цифровой ренты рассчитан сводный индекс рыночной власти R , агрегирующий четыре группы индикаторов: долю рынка; уровень и динамику комиссий; издержки переключения для продавцов; степень контроля над данными о транзакциях. Расчёт выполнен по

трём контрольным точкам — 2020, 2022 и 2025 гг. Результаты представлены в таблице 2 и визуализированы на рисунке 1.

Таблица 2

Динамика индекса рыночной власти P ведущих российских маркетплейсов, 2020–2025 гг.

Платформа	2020	2022	2025	Прирост 2020–2025, %
Wildberries	0,50	0,65	0,78	+56
Ozon	0,35	0,52	0,68	+94
Яндекс Маркет	0,25	0,38	0,52	+108

Источник: рассчитано автором по данным [2], [3], отчётности компаний

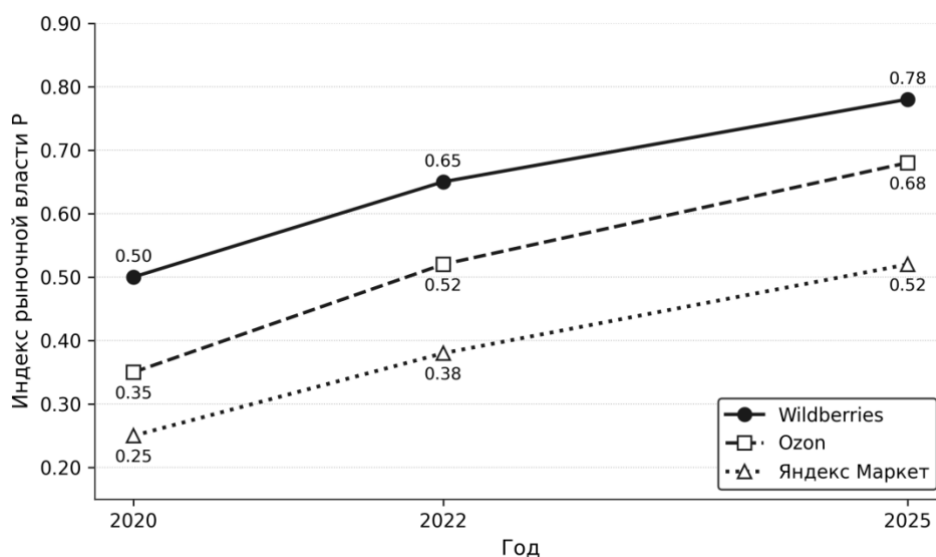

Рисунок 1. Динамика индекса рыночной власти P ведущих российских маркетплейсов, 2020–2025 гг.

Источник: построено автором

Выявленная динамика позволяет зафиксировать три закономерности. Прежде всего, ни одна из платформ за пятилетний период не демонстрирует снижения индекса рыночной власти, несмотря на заметное ужесточение регуляторной среды — включая возбуждение ФАС России дел в отношении Wildberries и возврат платформой 900 млн руб. необоснованных штрафов продавцам по итогам 2024 года [2]. Далее, в показателях наблюдается

конвергенция: разрыв между лидером и аутсайдером в абсолютных значениях практически не меняется (0,25 в 2020 г. и 0,26 в 2025 г.), однако в относительном выражении сокращается со 100% до 50%. Это указывает на движение всех рассматриваемых платформ к единой институциональной модели с высокой рыночной властью. Наконец, темп прироста индекса P тем выше, чем ниже был исходный уровень: платформы, стартовавшие с более низких позиций (Яндекс Маркет), демонстрируют ускоренную институциональную эволюцию в сторону доминирующей модели.

Обнаруженная динамика позволяет сформулировать понятие «рентной асимметрии»: при сопоставимом росте оборота экосистемы в целом (валовой товарооборот Wildberries в 2024 г. вырос на 60% и достиг 4,1 трлн руб.) доля платформы в этом обороте увеличивается быстрее, чем доходы продавцов. Данное наблюдение согласуется с выводами С.А.Сергеева о централизованном извлечении прибыли в платформенных цепочках поставок: платформа функционирует как регулятор операционного поведения продавцов, извлекая ренту из контроля над информационными потоками [14, с. 60–62]. Политэкономически такая конфигурация воспроизводит классическую рентоориентированную модель присвоения: платформа не участвует непосредственно в производстве товара, однако присваивает значительную часть созданной в экосистеме стоимости на основании контроля над доступом к рынку. Отдельные признаки «цифровой издольщины» — когда продавец-владелец товара фактически арендует у платформы доступ к покупателю, отдавая существенную часть дохода, — становятся доминирующими в отношениях между маркетплейсом и индивидуальным предпринимателем.

Методологические ограничения полученных оценок заслуживают отдельной оговорки. Равные веса индикаторов внутри каждой группы представляют собой осознанное упрощение, допустимое при пилотной параметризации; более точная оценка потребовала бы формализации весов на основе регрессионного анализа, для чего отсутствует необходимый массив стандартизированных наблюдений. Кейс-анализ трёх маркетплейсов не претендует на универсальность выводов для всех типов платформ: сервисы такси и доставки, финтех-платформы и государственные платформенные сервисы характеризуются иными механизмами извлечения ренты и требуют отдельного исследования. Верификация предложенной типологии на материале платформ иных сегментов — предмет дальнейших работ автора.

Полученные результаты имеют значение для регуляторной политики. Принятый Федеральный закон № 289-ФЗ создаёт базовую правовую рамку

регулирования маркетплейсов, однако дифференциация мер воздействия по формам цифровой ренты в нём не предусмотрена. Между тем эффективное регулирование должно учитывать источник извлечения ренты: противодействие алгоритмической ренте требует требований к прозрачности критериев ранжирования; инфраструктурной — доступа по справедливым и недискриминационным условиям к ключевым инфраструктурным узлам; данновой — режима информационного равноправия продавцов и платформы; сетевой — мер по снижению издержек переключения (прежде всего обязательной переносимости истории продаж); экосистемной — ограничений на кросс-субсидирование, прямо влияющее на смежные рынки. Как показано в ранее опубликованном исследовании автора с соавтором, действенность регуляторных инструментов возрастает при их адресной привязке к конкретным механизмам извлечения платформенной ренты [6, с. 30–32].

Выводы. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд положений теоретического и прикладного характера.

Цифровая рента определена как доход, получаемый платформой в силу контроля над цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмами, создающими устойчивую институциональную асимметрию во взаимодействиях участников. Предложенное определение развивает институциональную трактовку ренты применительно к специфическим условиям платформенной экономики и выделяет её сущностную характеристику — структурную независимость дохода платформы от прямого производственного вклада.

Обоснованная типология охватывает пять форм цифровой ренты (алгоритмическую, инфраструктурную, данновую, сетевую и экосистемную), различающихся по источнику извлечения и механизму формирования. Она соединяет классические для экономической теории источники рентного дохода (инфраструктурная монополия, сетевые эффекты) и специфически цифровые механизмы (контроль над алгоритмами, присвоение поведенческих данных).

Эмпирическая оценка на материале трёх крупнейших российских маркетплейсов показала, что за 2020–2025 гг. сводный индекс рыночной власти вырос на 56–108%; ни на одной из платформ не зафиксировано его снижения. Отсутствие рыночных механизмов саморегулирования в отношении извлечения цифровой ренты подтверждает необходимость государственного регуляторного вмешательства. Выявленный феномен рентной асимметрии означает, что доля платформы в валовой выручке экосистемы растёт быстрее, чем доходы продавцов.

Полученные результаты указывают на необходимость дифференцированного регуляторного подхода: меры, применимые для противодействия алгоритмической ренте, не решают задач, связанных с рентой инфраструктурной или экосистемной. Совершенствование законодательства о платформенной экономике целесообразно выстраивать с опорой на предложенную типологию форм цифровой ренты. В совокупности цифровая рента утверждается как системообразующая категория современного хозяйства, требующая переосмысления категориального аппарата экономической теории и формирования специализированного инструментария её регулирования.

Список литературы

1. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 5234.
2. ФАС России. Аналитический отчёт по результатам анализа состояния конкуренции на рынке услуг маркетплейсов [Электронный ресурс]. М., 2024. Режим доступа: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
3. АКИТ. Рынок интернет-торговли в России: итоги 2024 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://akit.ru/analytics/2024> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Гаврилова Э.Н. Платформенная экономика в России: драйверы развития, институциональные барьеры, экономические эффекты и прогнозы развития // Вестник Московского университета имени С.Ю.Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2025. № 3 (54). С. 19–29.
5. Муртазина Г.Ф. Экономическая рента: от аграрных корней до цифровой эпохи // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № 5 (53). С. 39–41.
6. Муртазина Г.Ф., Полторыхина С.В. Цифровая трансформация отраслевых рынков в России: роль платформ и векторы развития // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 4 (67). С. 23–35.
7. Орлов А.И. Прикладная статистика. М. : Экзамен, 2006. 672 с.
8. Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 22–29.

9. Платформенная экономика в России: потенциал развития : доклад НИУ ВШЭ / под ред. Л.М.Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 72 с.
 10. Плеханова Л.С., Машин И.С., Павлова Н.С. «Не настолько велики»: источники рыночной власти цифровых платформ // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 3. С. 82–105.
 11. Пташкина Е.С., Султанова А.А. Структурные особенности и механизмы развития платформенной экономики России // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 12. С. 3161–3186.
 12. Разовский Ю.В., Артемьев Н.В., Киселева С.П., Савельева Е.Ю., Рудницкий В.С. О формировании сверхприбыли в цифровой экономике // Уголь. 2021. № 4. С. 37–39.
 13. Розанова Н.М. Цифровые экосистемы: двуликий Янус национального государства // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 3. С. 15–22.
 14. Сергеев С.А. Системная модель взаимодействия участников платформенной сети поставок в условиях асимметрии информации // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2025. № 4. С. 180–190.
 15. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 107–124.
 16. Шайдуллин А.И. Влияние сетевых эффектов на цифровые платформы: теоретические положения и эмпирический анализ // Российский журнал менеджмента. 2024. Т. 22, № 3. С. 401–429.
 17. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М. : ТЕИС, 2010. 828 с.
 18. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54.
 19. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М.Добряковой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
 20. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N.Y. : PublicAffairs, 2019. 704 p.
-

DIGITAL RENT IN PLATFORM ECOSYSTEMS: TYPOLOGY, EXTRACTION MECHANISMS AND EMPIRICAL ASSESSMENT

G.F.MURTAZINA

The subject of the study is the set of relations involved in the formation, appropriation and distribution of digital rent within platform ecosystems. The aim of the paper is to substantiate a typology of digital rent forms and to provide an empirical assessment of rent extraction using data from the leading Russian marketplaces. Method and methodology. The research synthesises political-economic and institutional approaches. Methods include comparative analysis, reconstruction of the rent category, case studies of three Russian marketplaces (Wildberries, Ozon, Yandex Market) and normalisation of qualitative indicators on a five-step scale. Results. Digital rent is defined as the income extracted by a platform by virtue of its control over digital infrastructure, data and algorithms. Five forms of digital rent are identified: algorithmic, infrastructural, data-based, network and ecosystem-wide. Empirical evidence shows that between 2020 and 2025 the composite index of market power of the three leading Russian marketplaces grew by 56–108%, accompanied by rising commissions and an expanded list of paid services. A rent asymmetry is revealed: the share of platforms in ecosystem gross revenue grows faster than that of sellers. Scope of application. The findings are applicable to antitrust policy, to the refinement of platform economy legislation and to university courses in economic theory. Conclusions. Digital rent is established as the dominant form of platform income and systematically replaces entrepreneurial profit, which calls for a reconsideration of the conceptual apparatus of economic theory and differentiated regulatory tools reflecting the specifics of each identified form.

Keywords: digital rent, platform economy, marketplaces, market power, algorithmic capitalism, ecosystems, political economy, rent-seeking behaviour.

Рецензия на статью

Автор(ы)

Г.Ф.Муртазина

Название статьи: ЦИФРОВАЯ РЕНТА В ЭКОСИСТЕМАХ ПЛАТФОРМ: ТИПОЛОГИЯ, МЕХАНИЗМЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Работа находится в центре проблематики современной экономической теории и цифровой экономики: анализирует платформенные экосистемы, рыночную власть маркетплейсов, механизмы извлечения цифровой ренты и регуляторные выводы. Такой теоретико-прикладной фокус хорошо соответствует экономическому профилю сетевого издания и его ориентации на цифровую трансформацию и институциональные изменения в российской экономике
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Цифровая рента в экосистемах платформ: типология, механизмы извлечения и эмпирическая оценка» точно отражает содержание: в статье вводится и уточняется понятие цифровой ренты; предлагается типология форм; описываются механизмы извлечения и даётся эмпирическая оценка на примере Wildberries, Ozon и Яндекс Маркета. Расхождений между заявленным в заголовке и фактическим содержанием не наблюдается.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно передаёт предмет, цель, методологию и ключевые результаты исследования (типология из пяти форм цифровой ренты, рост интегрального индекса рыночной власти на 56–108%, выявление рентной асимметрии, регуляторные выводы). Все эти элементы детально раскрыты в основном тексте; аннотация не содержит обещаний, не реализованных далее
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность обоснована через: фундаментальную трансформацию механизмов экономической координации и рост значения цифровых платформ (их вклад около 4,8% ВВП РФ по оценке Э.Н. Гавриловой);

				формирование в России самостоятельной модели платформенной экономики; сдвиг природы дохода платформ от предпринимательской прибыли к рентному присвоению. Дополнительный аргумент — принятие Федерального закона № 289-ФЗ о регулировании платформенной экономики, эффективность которого зависит от адекватного понимания механизмов формирования платформенной ренты
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Обзор литературы широк и глубокий: задействованы классические и неинституциональные трактовки ренты (Шаститко); современная политэкономия платформенного капитализма (Срничек, Зубофф); отечественные работы по платформенной экономике, сверхприбыли цифровых рантье, структурным особенностям российских платформ, цифровым экосистемам и сетевым эффектам. Таким образом, и российская, и зарубежная повестка по платформенной экономике и ренте отражены достаточно полно
3 Научный уровень статьи				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Автор демонстрирует глубокое понимание эволюции категории ренты: от классической земельной ренты Рикардо до квазиренты и институциональных трактовок как дохода, извлекаемого благодаря ограничениям конкуренции. Показано, что существующие подходы неполны для описания платформенной экономики, где доход платформы определяется контролем над инфраструктурой, данными и алгоритмами, а не прямым производственным вкладом.
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблема сформулирована как теоретическая и эмпирическая лакуна в осмыслении цифровой ренты как системообразующей категории платформенной экономики. Цель, задачи (уточнить понятие, разработать типологию, оценить динамику извлечения цифровой ренты на маркетплейсах, предложить регуляторные меры) обозначены явно и

				последовательно реализуются по структуре статьи
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Методологическая база описана подробно: синтез политэкономического и институционального подходов; сравнительный анализ и политэкономическая реконструкция категории ренты; кейс-анализ трёх крупнейших маркетплейсов; нормирование количественных индикаторов в диапазоне $[0;1]$ и экспертная квантификация качественных индикаторов по пятибалльной шкале с последующей средневзвешенной агрегацией. Для пилотной эмпирической оценки рыночной власти и рентного извлечения на узкой совокупности кейсов такой методический инструментариий обоснован; автор отдельно оговаривает его ограничения
3.4	Достоверность выводов	да		Основные выводы (рост интегрального индекса рыночной власти P, отсутствие снижения индекса ни на одной из платформ, конвергенция к высокой рыночной власти, феномен рентной асимметрии) опираются на расчёты по данным ФАС, АКИТ и публичной отчётности компаний. Автор честно описывает допущения (равные веса индикаторов, ограниченность числа платформ) и не переносит выводы на все типы платформ, что повышает достоверность интерпретаций.
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Новизна проявляется в нескольких аспектах: уточнено определение цифровой ренты как дохода, обусловленного контролем платформы над цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмами и институциональной асимметрией взаимодействий; предложена типология пяти форм цифровой ренты (алгоритмическая, инфраструктурная, данновая, сетевая, экосистемная) с указанием источников и механизмов извлечения и примеров; введено понятие «рентной асимметрии» между долей платформ и продавцов в валовой выручке экосистемы;

				рассчитан сводный индекс рыночной власти Р для трёх ведущих маркетплейсов в 2020–2025 гг.
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Результаты и предложенные категории хорошо сочетаются с современными исследованиями платформенного капитализма и надзорного капитализма (Срничек, Зубофф), с работами по сетевым эффектам и цифровым экосистемам. Статья не противоречит этим работам, а детализирует их применительно к российскому рынку маркетплейсов и развивает институциональную трактовку ренты
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Спорных утверждений немного; потенциально дискуссионным может быть тезис о «системном замещении» предпринимательской прибыли цифровой рентой как доминирующей формы дохода платформ, который требует дальнейшего количественного подтверждения на более широком массиве платформ. Однако в рамках политэкономической аргументации автора этот тезис вписан аккуратно и увязан с эмпирическими наблюдениями по маркетплейсам.
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Текст выдержан в строгом академическом стиле с развитой концептуальной лексикой, чёткими определениями и ссылками на теоретические источники. Структура разделов логична, переходы между теоретической, методологической и эмпирической частями выстроены последовательно
5.2	Доступность изложения	да		При высокой теоретической насыщенности статья остаётся доступной для подготовленной аудитории экономистов и аспирантов: автор системно поясняет вводимые понятия и методы, иллюстрирует типологию конкретными примерами с российских платформ. Эмпирические результаты представлены в виде таблицы и графика, что облегчает восприятие.
5.3	Корректность терминологии	да		Термины «цифровая рента», «квазирента», «институциональные ограничения конкуренции», «платформенный капитализм», «сетевые эффекты», «экосистемная рента», «рентная асимметрия» использованы последовательно и в соответствии с цитируемыми источниками. Автор

				аккуратно разводит классические и новые смыслы, что важно для строгой терминологии
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов – рисунков, таблиц, библиографии	да		Объем статьи оправдан: теоретический блок, методология, результаты и выводы представлены достаточно развернуто, но без излишней детализации. Таблицы и рисунок по индексу рыночной власти адекватно дополняют текст; при желании можно было бы добавить ещё одну схему, обобщающую типологию форм цифровой ренты, но и в текущем виде структура ясна.
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Библиография широка, включает как отечественные, так и зарубежные работы, монографии, статьи и официальные документы, оформленные единообразно. Присутствуют ссылки на ключевые источники по платформенной экономике, ренте, сетевым эффектам и цифровым экосистемам, что соответствует требованиям научных журналов
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Высокий теоретико-методологический уровень: аккуратная реконструкция классических и институциональных трактовок ренты и их адаптация к платформенной экономике. Оригинальная и хорошо аргументированная типология форм цифровой ренты с чёткими источниками, механизмами и примерами. Эмпирическая часть, опирающаяся на актуальные данные ФАС, АКИТ и отчётность компаний, позволяет проверить предложенные концепты на конкретных маркетплейсах и вводит важное понятие рентной асимметрии. Чётко сформулированные регуляторные выводы, привязанные к различным формам цифровой ренты.		
6.2	Отрицательные качества	Эмпирическая база ограничена тремя маркетплейсами; платёжные, логистические, такси- и финтех-платформы остаются вне рассмотрения, что ограничивает общность выводов. Индекс рыночной власти P опирается на экспертное взвешивание индикаторов с равными весами; отсутствие более строгой статистической калибровки весов представляет методическое ограничение. Для узкой специализировавшейся аудитории часть политэкономических формулировок может казаться сложной; возможно, полезно чуть больше пояснений для читателя-практика.		
6.3	Замечания и предложения	При дальнейшей доработке можно кратко описать состав экспертной группы, использованной для оценки качественных индикаторов, чтобы повысить прозрачность процедуры квантификации. Полезно дополнительно визуализировать типологию форм цифровой ренты (схемой или отдельной таблицей)		

		с краткими определениями и регуляторными импликациями), чтобы усилить методический потенциал работы для преподавания и аналитики. В перспективе стоит расширить эмпирический блок на другие типы платформ (такси, финтех, госуслуги) для проверки универсальности предложенной типологии и феномена рентной асимметрии.
--	--	---

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 13.06.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРАКТИК ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ

Шакирова А.Ф., Панасова А.А.⁷

*Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан*

Для цитирования: Шакирова А.Ф., Панасова А.А. Цифровизация самосохранительного поведения: мобильные приложения как новая форма практик заботы о здоровье // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 83–92.

В статье рассматриваются цифровые практики самосохранительного поведения населения, формирующиеся в условиях активной цифровизации повседневной жизни и расширения использования мобильных приложений в сфере здоровья. Актуальность исследования определяется тем, что цифровые инструменты постепенно становятся не только вспомогательным элементом медицинской активности, но и самостоятельным способом контроля, поддержания и сохранения здоровья. Цель статьи заключается в теоретическом осмыслении мобильных приложений как нового вида цифровых практик самосохранительного поведения. В работе раскрываются основные подходы к пониманию самосохранительного поведения в российской социологической науке, выделяются его базовые компоненты: физическая активность, культура питания, медицинская активность, аддиктивные практики, контроль хронических заболеваний, когнитивный, пандемийный и психоэмоциональный компоненты. Особое внимание уделяется мобильным приложениям для мониторинга физической активности, питания, сна, репродуктивного здоровья, хронических заболеваний, записи к врачу, телемедицинских консультаций и контроля психоэмоционального состояния. Сделан вывод о том, что цифровые практики, реализуемые через мобильные приложения, трансформируют традиционные формы самосохранительного поведения, усиливая роль самомониторинга, проактивного контроля и личной ответственности индивида за здоровье.

⁷ Шакирова А.Ф. (Alisa.Shakirova@tatar.ru), кандидат социологических наук, главный научный сотрудник; Панасова А.А. (anyuta.konnova.2017@mail.ru), старший научный сотрудник

Ключевые слова: самосохранительное поведение, цифровые самосохранительные практики, мобильное приложение, цифровое здоровье.

Введение. Современная Россия по пути общемировых тенденций сталкивается с масштабным процессом цифровизации, которая затрагивает почти все сферы общественной жизни. Происходят изменения не только в технологической сфере цифрового развития, но и в повседневных практиках населения. Результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) демонстрируют высокие показатели использования электронных сервисов, что говорит об изменениях и активном внедрении цифровых технологий в повседневную жизнь общества [1].

Особую актуальность такая тенденция приобретает в контексте здоровья, породив феномен «цифрового здоровья», которое определяется комплексным внедрением и использованием прорывных технологий (искусственного интеллекта, телемедицина) для создания ценностно-ориентированного здравоохранения. В условиях растущего осознания ценности здоровья и увеличения рисков современной жизни, самосохранительное поведение индивидов приобретает всю большую значимость. Цифровые инструменты являются одним из способов увеличения вовлеченности пациентов в принятии решений и их медицинской грамотности.

Несмотря на широкое распространение мобильных приложений для мониторинга здоровья и их влияние на трансформацию традиционных компонентов самосохранительного поведения, недостаточно глубоко исследовано их использование и внедрение как нового вида цифровых практик в сохранении здоровья индивидом.

Теоретические основы самосохранительного поведения и его компоненты. В российскую социологическую науку концепция самосохранительного поведения была введена А. И. Антоновым, который использовал термин для описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья [2, с. 419]. Широкое распространение термина произошло после ряда проведенных теоретических и эмпирических исследований под руководством А. И. Антонова и И. В. Журавлевой.

Современные исследователи при изучении самосохранительного поведения населения выделяют различные его компоненты. В фокусе большинства исследований находятся четыре базовых компонента (О. А. Александрова [3], О. И. Аполихин [4], Е. П. Галкина [5], С. С. Гордеева [6], Л. Ю. Иванова [7],

И. Б. Назарова [8], В. Я. Шклярчук [9]): физическая активность, включающая занятия спортом, зарядку, закаливание и другие формы двигательной активности; питание и культура питания населения; аддиктивные практики, связанные с употреблением алкоголя, курением, в том числе использованием современных табачных и никотинсодержащих изделий — вейпов, кальянов, электронных сигарет; а также медицинская активность населения (таблица 1).

При этом отдельные исследователи расширяют содержание самосохранительного поведения за пределы данных основных четырёх компонентов. Так, например, И. Б. Назарова предлагает рассматривать самосохранительное поведение в двух основных сферах: в повседневной жизни как поведение, направленное на профилактику болезни, и в период заболевания — как обращение к медицинскому работнику [8]. При этом наряду с классическими компонентами, автор отдельно фиксирует индекс массы тела как показатель, связанный с состоянием здоровья и образом жизни, что отличает её подход от ряда других исследований.

Расширяя границы медицинской активности, отдельные авторы (Л. Ю. Иванова) также обращают внимание на необходимость контроля хронических заболеваний и наследственных рисков [7]. В данном случае самосохранительное поведение включает не только факт обращения за медицинской помощью, но и регулярность лечения, соблюдение врачебных рекомендаций, профилактику осложнений, реабилитацию, контроль ключевых показателей здоровья, а также учёт наследственной предрасположенности к отдельным заболеваниям.

Так, Л. Ю. Иванова дополнительно акцентирует внимание на информированности населения о здоровье, поскольку знание факторов риска, способов профилактики и возможностей сохранения здоровья выступает условием более ответственного поведения [7]. Когнитивный компонент (С. А. Вангородской [10], Я. В. Шимановская [11], Р. Б. Барахоева, Н. И. Скок [12]) целесообразно рассматривать совместно с информированностью о здоровье, поскольку он отражает не только самооценку собственного здоровья и образа жизни, но и уровень знаний человека о факторах риска, профилактике заболеваний, наследственной предрасположенности и последствиях рискованных практик. В отличие от поведенческих компонентов, данный блок фиксирует не сами действия, а информационную и оценочную основу самосохранительного поведения, на базе которой человек принимает решения о заботе о здоровье.

Отдельное место в структуре самосохранительного поведения занимают психоэмоциональные факторы, включая стрессоустойчивость, тревожность, эмоциональную стабильность, субъективное ощущение безопасности, а также режим сна. Так, О. А. Александрова, Е. И. Медведева, С. В. Крошили и Д. И. Марков при анализе самосохранительного поведения молодых москвичей отдельно фиксируют психоэмоциональный статус респондентов, а также обращают внимание на проблему недостаточной продолжительности сна: молодёжь нередко спит меньше положенного, что ограничивает возможности полноценного восстановления организма [3]. С. С. Гордеева, С. Ю. Шарыпова и А. С. Шляпина рассматривают социально-психологические факторы как одну из групп факторов, влияющих на самосохранительное и рискогенное поведение [6]. С. Ю. Шарыпова и М. Д. Корнилицына также указывают на роль психологических и социальных факторов, формирующих стресс и эмоциональное напряжение, а при анализе стратегий управления рисками выделяют эмоциональный компонент реакции на угрозу: адекватный, тревожный, игнорирующий и неопределённый [13]. Так, психоэмоциональный компонент самосохранительного поведения может быть представлен через такие измеряемые индикаторы, как уровень стресса, тревожность, субъективное ощущение безопасности, эмоциональная устойчивость, качество и продолжительность сна. Данный компонент важен потому, что психоэмоциональное состояние влияет на способность человека поддерживать здоровьесберегающие практики, своевременно реагировать на риски и принимать решения, направленные на сохранение здоровья.

Таблица 1

Компоненты самосохранительного поведения

№	Компоненты	Индикаторы	Авторы
1	Физическая активность	– Регулярные занятия спортом; – Ежедневная физическая активность; – Выполнение зарядки; – Закаливание; – Закаливание и т.д.	О. И. Аполихин Е. П. Галкина С. С. Гордеева, Л. Ю. Иванова И. Б. Назарова В. Я. Шклярчук
2	Питание / культура питания	– Здоровое питание;	<i>О.А. Александрова</i>

		– Потребление овощей/фруктов; – Контроль калорий; – Отказ от фастфуда; – Контроль потребление соли/сахара; – Контроль состава продуктов и т.д.	О. И. Аполихин Е. П. Галкина С. С. Гордеева Л.Ю. Иванова И.Б. Назарова В.Я. Шклярчук
3	Аддитивные практики	– Алкоголь; – Курение; – Электронные сигареты; – Системы нагревания табака (вейпы; кальян)	О.А. Александрова В.Я. Шклярчук О. И. Аполихин Е.П. Галкина И.Б. Назарова С.С. Гордеева Л.Ю. Иванова
4	Медицинская активность	– Профосмотры; – Диспансеризация; – Обращения к врачу; – Самолечение; – Мониторинг здоровья	О.А. Александрова О. И. Аполихин Е. П. Галкина С. С. Гордеева И. Б. Назарова Л.Ю. Иванова
5	Контроль хронических заболеваний	– Регулярность лечения; – Соблюдение рекомендаций; – Профилактика осложнений; – Реабилитация; – Контроль наследственных заболеваний	И. Б. Назарова Л.Ю. Иванова
6	Когнитивный компонент / информированность о здоровье	– Самооценка собственного здоровья; – Самооценка образа жизни; – Знание факторов риска; – Информированность о способах профилактики заболеваний; знание о возможностях диспансеризации и профилактических осмотров; – Понимание последствий вредных привычек; – Информированность о наследственной	Я. В. Шимановская Л. Ю. Иванова; И. Б. Назарова; Р. Б. Барахоева, Н. И. Скок; С. А. Вангородская

		предрасположенности к заболеваниям	
7	Пандемийные компоненты	– Вакцинация; – Соблюдение эпидемиологических мер	Е.П. Галкина В.О. Корунова Н.А. Стерляева Я.В. Шимановская
8	Психоэмоциональный компонент	– Стрессоустойчивость; – Тревожность; - эмоциональная стабильность; – Психоэмоциональное самочувствие; – Уровень стресса; – Эмоциональное напряжение; – Продолжительность сна; - соблюдение режима сна и отдыха	О. А. Александрова; Е. П. Гордеева; С.Ю. Шарыпова; М. Д. Корнилицына

Таким образом, питание, физическая активность, обращение за медицинской помощью и аддиктивные практики образуют наиболее устойчивое ядро самосохранительного поведения, представленное у большинства авторов. Однако современные исследования постепенно расширяют данную структуру за счёт информированности о здоровье, индекса массы тела, режима сна и отдыха, доверия к медицине, восприятия рисков, пандемийных практик, цифрового поведения, мотивационно-ценностных установок и рефлексии. Это показывает, что самосохранительное поведение всё чаще рассматривается не только как набор конкретных здоровьесберегающих действий, но и как сложная система знаний, установок, условий, ресурсов и повседневных решений, влияющих на сохранение здоровья.

Цифровые практики самосохранительного поведения: компоненты и проявления. Результаты вторичных эмпирических исследований подтверждают развитие цифровых практик самосохранительного поведения. Анализ рынка российских приложений по мониторингу здоровья, проведенный А. В. Гусевым, А. А. Ившиным, А. В. Владизимирским, выявил значительный интерес населения к таким цифровым практикам самосохранительного поведения [14]. Так, лидерами по востребованности приложений занимает группа «Фитнес и здоровый образ жизни», общее число скачиваний которых занимает – 1, 256 млрд. Такой показатель может говорить о выраженной тенденции личной

ответственности индивида за свое здоровье и его контроле. Второе место по популярности приложения занимает группа «Женское здоровье» (285 млн. скачиваний). Данный вид цифровых практик направлен на мониторинг и ознакомление с репродуктивным здоровьем женского населения. Если говорить об опосредующем взаимодействии с системой здравоохранения, то категория «Аптеки и справочники лекарственных средств» (13,6 млн. скачиваний) и «Запись на прием к врачу» (1,5 млн. скачиваний) может говорить о том, что традиционная медицинская активность переходит в быстрый цифровой формат. Группа «Телемедицина» (1,3 млн. скачиваний) демонстрирует о становлении и распространении нового вида практик цифрового самосохранительного поведения, заключающегося в дистанционном консультировании и взаимодействии врач и пациент. Также фиксируется и наличие специализированных и хронических практик цифрового самосохранительного поведения, которое несмотря на относительно небольшое количество приложений в рейтинге групп «Сахарный диабет» (7 приложений, 1 млн. скачиваний) и «Лабораторные исследования» (3 приложения и 120 тыс. скачиваний) показывают повышение приверженности к лечению и контролю. Таким образом, можно сказать, что цифровые практики как новый вид самосохранительного поведения постепенно внедряется в повседневную жизнь населения.

Отношение населения к использованию мобильных приложений для отслеживания данных о своем здоровье в исследовании В. В. Шкарина показало, что заинтересованных (22%) и использующих такие сервисы в своей практике (49%) превалирует, чем тех, кто не заинтересован (29%) [15]. Основными приоритетами использования мобильных приложений отмечаются в отслеживании питания, показателей здоровья, физической активности и контроля качества сна. При этом немаловажными компонентами в цифровом самосохранительном поведении являются онлайн-консультации с врачами, управление и контроль за уровнем стресса и ментальным здоровьем, а также советы по здоровому образу жизни. Такие результаты могут говорить о заинтересованности населения в применении цифровых помощников в виде мобильных приложений и устройств для сохранения своего здоровья.

Особую роль в формировании цифровых практик играют селф-трекинговые приложения, исследованные Г. И. Селетковой, Е. А. Лазуковой, А. В. Рыбьяковой, М. С. Нассоновым [16]. Молодежь, как наиболее технологически продвинутая группа, активно использует самоотслеживание для мониторинга не только физического здоровья, но и настроения, сна,

продуктивности. Основными мотивами при этом являются любопытство (55%), желание видеть свой прогресс (55%), а также стремлении вести здоровый образ жизни (38%) и повышении мотивации (32%).

Это может демонстрировать активное развитие и широкое применение цифровых практик, которое может выступать не только как способ заботы о здоровье, но и как поддержание активного ритма жизни для его продления, сохранения и контроля.

Выводы. Таким образом, цифровые практики, реализуемые посредством мобильных приложений, следует рассматривать как новый, самостоятельный вид самосохранительного поведения. Они основаны на принципах самомониторинга, и проактивного контроля, которые активно распространяются в условиях мобильного общества. Они охватывают широкий спектр целей – от поддержания физической формы и контроля питания до управления и отслеживания показателей хронических заболеваний. Мотивируются стремлением к улучшению здоровья и желанию самосовершенствоваться.

Мобильные приложения не просто дополняют традиционные практики самосохранительного поведения, но и трансформируют их, меняя представление человека о своем теле и помогая выстраивать взаимоотношения со своим здоровьем и медицинской системой. Цифровые практики самосохранительного поведения делают заботу о себе более доступной и мотивированной.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект №25-78-00104 «Цифровые практики россиян в сфере самосохранения».

Список литературы

1. Наша цифровая повседневность // ВЦИОМ: [сайт]. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 08.05.2026).
2. Антонов А.И. Самосохранительное поведение // Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 419.
3. Самосохранительное поведение молодых москвичей: установки, практики, проблемы реализации / О. А. Александрова, Е. И. Медведева, С. В. Крошили, Д. И. Марков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, спецвыпуск. С. 949–955.

4. Аполихин О. И., Иванова А. Е. Самосохранительное поведение семей, планирующих рождение ребенка // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. С. 896–906.
5. Галкина Е. П., Кадничанская М. И., Власова Н. В. Типология самосохранительного поведения населения в условиях пандемии // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 144–155.
6. Гордеева С. С., Шарыпова С. Ю., Шляпина А. С. Факторы самосохранительного и рискогенного поведения трудоспособного населения промышленного мегаполиса // Анализ риска здоровью. 2025. № 2. С. 60–72.
7. Иванова Л. Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Институт социологии РАН, 2005. С. 110–133.
8. Назарова И. Б. Самосохранительные практики населения // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 41–53.
9. Шклярчук В. Я. Самосохранительное поведение как вид демографического поведения // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 1 (52). С. 316–325.
10. Вангородская С. А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 20–29.
11. Шимановская Я. В. Самосохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19 // Вопросы управления. 2020. № 5 (66). С. 29–35.
12. Барахоева Р. Б., Скок Н. И. Самосохранительное поведение: дефиниция и структура // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 1. С. 9–21.
13. Шарыпова С. Ю., Корнилицына М. Д. Оценка населением рисков здоровью как фактор выбора стратегии самосохранительного поведения // Анализ риска здоровью. 2025. № 1. С. 74–87.
14. Гусев А. В., Ившин А. А., Владзимирский А. В. Российские мобильные приложения для здоровья: систематический поиск в магазинах приложений // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021. № 3. С. 21–31.
15. Отношение населения к мобильным приложениям для отслеживания данных о своем здоровье / В. В. Шкарин, В. Л. Аджиенко, Т. С. Дьяченко, В. Е. Веровский // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2025. № 1. С. 90–92.

16. Практики селф-трекинга среди городской молодежи / Г. И. Селеткова, Е. А. Лазукова, А. В. Рыбьякова, М. С. Нассонов // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 2. С. 138–154.

DIGITALIZATION OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR: MOBILE APPLICATIONS AS A NEW FORM OF HEALTH CARE PRACTICES

A.F. SHAKIROVA, A.A. PANASOVA

This article examines digital self-preservation behavior practices among the population, emerging in the context of the active digitalization of everyday life and the expanding use of mobile health apps. The relevance of the study is determined by the fact that digital tools are gradually becoming not only an auxiliary element of medical activity but also an independent means of monitoring, maintaining, and preserving health. The aim of the article is to theoretically understand mobile apps as a new type of digital self-preservation behavior practices. The paper reveals the main approaches to understanding self-preservation behavior in Russian sociological science, identifying its basic components: physical activity, nutrition culture, medical activity, addictive practices, chronic disease management, cognitive, pandemic, and psychoemotional components. Particular attention is paid to mobile apps for monitoring physical activity, nutrition, sleep, reproductive health, chronic diseases, making doctor appointments, telemedicine consultations, and monitoring psychoemotional state. It is concluded that digital practices implemented through mobile applications transform traditional forms of self-preservation behavior, strengthening the role of self-monitoring, proactive control, and personal responsibility of the individual for health.

Keywords: self-preservation behavior, digital self-preservation practices, mobile app, digital health

Рецензия на статью

Автор(ы) Шакирова А.Ф., Панасова А.А.

Название статьи: ЦИФРОВИЗАЦИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРАКТИК ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тематика статьи — цифровизация повседневных практик, самосохранительное поведение, цифровое здоровье, мобильные приложения — напрямую укладывается в проблемное поле современного социально-экономического журнала, ориентированного на цифровую трансформацию и здоровье населения.
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Цифровизация самосохранительного поведения: мобильные приложения как новая форма практик заботы о здоровье» точно отражает фактический фокус статьи.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно воспроизводит структуру и смысл статьи: указывается цель (теоретическое осмысление мобильных приложений как нового вида цифровых практик самосохранительного поведения), перечисляются выделенные компоненты самосохранительного поведения и направления использования мобильных приложений, формулируется итоговый вывод о трансформации традиционных форм самосохранительного поведения.
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы аргументирована через масштабные процессы цифровизации в России, рост использования электронных сервисов по данным ВЦИОМ, появление феномена «цифрового здоровья» и повышение значимости самосохранительного поведения в условиях возрастания рисков современной жизни. Дополнительно подчеркивается, что мобильные приложения из вспомогательного инструмента постепенно становятся самостоятельным способом контроля и поддержания здоровья, что обоснованно выводит тему в разряд актуальных.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Обзор литературы ориентирован на современную российскую социологию самосохранительного поведения: последовательно привлекаются работы

				Антонова, Журавлевой и более поздних авторов, предлагающих различные структурные модели самосохранительных практик. Блок про цифровые практики опирается на вторичные эмпирические исследования российского рынка мобильных приложений для здоровья, отношение населения к ним и селф-трекинг городской молодежи, что демонстрирует знакомство авторов с актуальной отечественной эмпирикой по цифровому здоровью.
3	Научный уровень статьи			
3.1	Анализ состояния проблемы	да		В статье дан аккуратный и достаточно подробный обзор эволюции понятия «самосохранительное поведение» в отечественной социологии, начиная с введения термина А.И. Антоновым и последующих теоретико-эмпирических работ. Авторы реконструируют ключевые компоненты самосохранительного поведения (физическая активность, питание, аддиктивные практики, медицинская активность, контроль хронических заболеваний, когнитивный, пандемийный и психоэмоциональный компоненты) с опорой на широкий круг источников, что создает сильную базу для дальнейшего анализа
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблема сформулирована как недостаточная теоретическая проработанность мобильных приложений именно как нового вида цифровых практик самосохранения, при уже имеющемся распространении этих технологий. Цель обозначена ясно, но конкретные исследовательские задачи (например, систематизация компонент, выявление спектра цифровых практик, постановка их связи с классическими компонентами) не структурированы в явном виде, а реконструируются по тексту имплицитно
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Работа позиционируется как теоретическое осмысление и опирается на анализ и синтез существующих теоретических и эмпирических исследований, включая вторичные данные по рынку мобильных приложений и опросам населения. Формализованного методологического раздела (описания критериев отбора работ, логики классификации

				компонентов и т.п.) нет, что типично для обзорной статьи
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы статьи — о расширении структуры самосохранительного поведения, выделении цифровых практик как самостоятельного вида и усилении ролей самомониторинга и личной ответственности — логично вытекают из представленных теоретических подходов и вторичных эмпирических данных (скачивания приложений, отношение населения, мотивация селф-трекинга).
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Новизна статьи прежде всего заключается в системной интеграции классических компонентов самосохранительного поведения с блоком цифровых практик, реализуемых посредством мобильных приложений, и в трактовке этих практик как нового самостоятельного вида самосохранительного поведения. Дополнительным оригинальным моментом является попытка концептуально связать разные группы приложений (фитнес, женское здоровье, телемедицина, специализированные приложения при хронических заболеваниях) с соответствующими компонентами самосохранительных практик
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Предлагаемая концептуализация хорошо согласуется с текущими трендами исследований в области цифрового здоровья, селф-трекинга и пациент-центрированных подходов. Опора на свежие российские исследования мобильных приложений, отношения населения и цифровых практик молодежи позволяет включить статью в актуальный научный и профессиональный дискурс, не вступая в противоречие с современным пониманием цифровизации здравоохранения
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Откровенно спорных или методологически уязвимых утверждений в тексте нет; авторы достаточно осторожно формулируют тезисы, избегая радикальных выводов. Дискуссионным можно считать тезис о цифровых практиках как полностью самостоятельном виде самосохранительного поведения
5	Научность изложения			

5.1	Научность языка и стиля	да		Язык статьи выдержан в академическом стиле: используются корректные теоретические понятия, даются ссылки на источники, отсутствуют разговорные или публицистические обороты.
5.2	Доступность изложения	да		Изложение доступно для широкой профессиональной аудитории — социологов, специалистов по общественному здоровью и цифровизации: теоретические конструкции объясняются через ссылки и наглядные примеры, сложного математического аппарата нет. Структура текста (введение, теоретические основы, компоненты самосохранительного поведения, цифровые практики, выводы) логична и облегчает восприятие материала
5.3	Корректность терминологии	да		Термины «самосохранительное поведение», «цифровые самосохранительные практики», «цифровое здоровье», «селф-трекинг», «психоэмоциональный компонент» используются в соответствии с современными российскими и международными подходами к социологии здоровья и цифровизации.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов — рисунков, таблиц, библиографии	да		Объем статьи соответствует формату теоретико-обзорной работы; структура выстроена последовательно от общего контекста цифровизации к детализации компонентов и цифровых практик.
5.5	Правильность оформления библиографии	да		Список литературы включает широкий спектр источников: классические работы по самосохранительному поведению, свежие статьи 2020-х годов по различным компонентам, исследования по цифровым приложениям и селф-трекингу.
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества	Сильная, хорошо структурированная реконструкция концепции самосохранительного поведения с выделением восьми компонентов и их индикаторов, основанная на широком спектре отечественных исследований. Актуальная постановка вопроса о цифровых практиках через мобильные приложения как о новом измерении самосохранительного поведения, с опорой на существующую эмпирику по приложениям, отношению населения и селф-трекингу молодежи.		
6.2	Отрицательные качества	Отсутствует собственный эмпирический материал: все количественные данные носят характер вторичных, заимствованных из других исследований.		

		Методология теоретико-обзорной части и отбора вторичных исследований не вынесена в отдельный раздел и описана лишь имплицитно
6.3	Замечания и предложения	Кратко обсудить риски и ограничения цифровых практик (цифровое неравенство, вопросы конфиденциальности данных, риск гиперконтроля и тревожности), что добавит дискуссионный и критический аспект.

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 13.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

МИГРАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И СЦЕНАРИИ

Швецов Л.К.⁸

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан

Хайруллина Ю.Р.⁹

*ОСП «Центр перспективных экономических исследований» Академии наук
Республики Татарстан*

Для цитирования: Швецов Л.К., Хайруллина Ю.Р. Миграции студенческой молодежи: причины и сценарии // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С.98-106.

Предметом данного исследования выступают объективные и субъективные факторы, влияющие на миграционные установки студенческой молодежи в возрасте от 14 до 24 лет в одном из средних городов Республики Татарстан - Бугульме. Цель работы заключается в выявлении ключевых причин и сценариев молодежных миграций, а также в верификации гипотезы о влиянии удаленности населенного пункта от региональной столицы на интенсивность миграционных процессов. Методология исследования базируется на структурном функционализме Т. Парсонса для оценки универсалистско-достижительных стандартов и структурных напряжений, а также на теории «Третьей волны» Э. Тоффлера для анализа характеристик рынка труда и городской среды. Эмпирическая база сформирована на основании результатов исследования в 2024–2025гг. в средних городах Республики Татарстан с применением комплексной количественно-качественной методики, выборочная совокупность составила n=1122 респондента, с соблюдением поселенческих и половозрастных пропорций. Результаты исследования демонстрируют высокую поляризацию мнений: 52.5% респондентов намерены покинуть город в ближайшие 1-3 года, при этом миграционные настроения преобладают среди женщин (58.2%) и возрастной когорты 18-24 лет (60.3%). Ключевыми причинами оттока

⁸ Швецов Л.К. (leoshvecov@gmail.com) аспирант

⁹ Хайруллина Ю.Р. (iouldouz@yandex.ru), д.социол.н., проф, гл.науч.с.

выступают: поиск работы (42.1%), стремление к самореализации (41.8%) и получение образования (32.4%), что сопряжено с высокой неопределенностью относительно рынка труда и дефицитом досуговой инфраструктуры. Выявлена четкая корреляция: планирующие отъезд значительно ниже оценивают инфраструктуру (5.57 против 6.92) и досуговую сферу (4.84 против 6.47), чем планирующие остаться. Область применения результатов исследования: разработка региональных стратегий сохранения человеческого капитала, направлений противодействия молодежной миграции, включая такие востребованные меры, как развитие цифровой инфраструктуры (52.8%), внедрение лидеров мнений в популяризацию жизни в среднем городе (50.2%) и расширение онлайн-образования (49.1%). Итогом исследования является вывод, что для стабилизации социальной системы и снижения структурного напряжения необходима инновационно-цифровая трансформация инфраструктуры среднего города по постиндустриальному образцу, обеспечивающая реализацию успешно-достижительной модели поведения молодежи.

Ключевые слова: миграционные процессы, студенческая молодежь, молодежные миграции, Татарстан, Бугульма, Третья волна, Вторая волна, индустриальное общество, постиндустриальное общество, структурный функционализм.

Введение: проблематика молодежных миграций никогда не утрачивает своей актуальности, поскольку именно молодежь является основным человеческим капиталом для обеспечения экономической устойчивости. Молодые люди, будучи менее обремененными выполнением различных статусно-ролевых предписаний, имеют тенденцию гораздо чаще приносить в общество новые идеи, обогащая науку и культуру [1]. Они, ввиду указанных выше причин, меньше боятся рисковать реализовывать свои задумки и проекты. Более того, поскольку многие из подсистем российской социальной системы можно было бы по методологии Т.Парсонса приписать к универсалистско-достижительному стандарту [2], установки молодежи на инициативность в реализации своих идей активно институализируются и поддерживаются государством. Исходя из данных предпосылок можно считать молодежь очень ценным капиталом, который позволяет системе адаптироваться к новым проблемам и вызовам.

В то же самое время молодые люди очень мобильны, имеют тенденцию к

миграциям, а особенно студенческая молодежь. [3] В средних городах (от 50 до 100 тысяч населения) темпы молодежных миграций являются более высокими, в отличие от больших городов. [4]

Цель исследования: анализируемый в данной статье эмпирический материал – это часть большого исследования молодежных миграций из средних городов Республики Татарстан. Отдельное рассмотрение Бугульмы с точки зрения миграций студенческой молодежи является особенно интересным и важным в связи с тем, что данный город находится дальше всего от столицы Республики, города Казань (333 км), и возможна верификация гипотезы о том, что чем дальше расстояние населенного пункта от региональной столицы, тем интенсивнее будут молодежные миграции [5]. Именно поэтому существует необходимость в более детальном и внимательном анализе в рамках этого города.

Материалы и методы: Исследование по проблеме проведено с применением комплексной количественно-качественной методики в 2024-2025 гг. в средних городах Республики Татарстан. Выборочная совокупность исследования составляет $n = 1122$, пропорции внутри выборочной совокупности соответствуют поселенческой и половозрастной структуре населения [6]. Исследование реализовано по авторской анкете, включающей 43 вопроса различных типов.

Результаты: Исследования показали состояние поляризации мнения студенческой молодежи по вопросу отъезда из города. Так, 52.5% заявили о том, что намерены покинуть Бугульму в ближайшие 1-3 года; 20.8% уверены, что останутся, а 26.7% затрудняются дать ответ, что показывает наличие резервов для ее закрепления в регионе.

Что касается половозрастных различий в разрезе миграционных установок на отъезд из Бугульмы, следует отметить, что их больше у женщин (58.2%), в то время как мужчины составляют 46.8%. Возрастная когорта от 18 до 24 лет лидирует в данном аспекте (60.3%), когорта от 14 до 17 лет в этом плане составляет 40%.

Самое главное, что если рассматривать причины миграций, то среди тех респондентов, которые планируют переезд, указывают на поиск работы – 42.1%, 41.8% отмечают больше возможностей для самореализации, что показывает поиск лучших перспектив в рамках трудовой сферы. Третье место в списке наиболее часто встречающихся причин у респондентов занимает получение образования – 32.4%. На нехватку развлечений в городе указывает 29.4% респондентов.

Причина будущей миграции	% от всей выборки (сумма ответов может превышать 100%)
Поиск работы	42.1%
Больше возможностей для самореализации	41.8%
Получение образования	32.4%
Не хватает развлечений	29.4%
Плохо развита инфраструктура/неудобен город	16.9%
Плохо развита медицина	15.5%
Не нравится внешний вид города	12.9%
Не развиты цифровые коммерческие услуги	9.3%

Таблица 1. Основные причины миграции

В качестве факторов противодействия отъезду респонденты особенно выделяют: родных и близких (29.7%), друзей (18.8%), а также получение образования (21.2%). Абсолютное большинство опрошенных (79.8%) еще ни разу никуда не переезжали за последние 10 лет, лишь 14.5% осуществляли переезд один раз, два раза переезжали только 5%.

Поскольку бугульминская студенческая молодежь в качестве причин миграций указывает на поиск работы, нельзя не рассмотреть оценку респондентами местного рынка труда: 35.9% опрошенных указывают на то, что особенно легко найти работу в торговле и продажах; 27.8% отмечают сферу транспорта и логистики; 24.6% в качестве еще одного частого варианта выбирают сферу образования.

Что особенно важно: в вопросе о сферах, в которых можно получить карьерные перспективы, в Бугульме, вариант “затрудняюсь ответить” выбрали 40.8%, что вполне явно указывает на высокую степень неопределенности. При этом 19.2% заявили о том, что какие-либо перспективы могут ожидать в торговле и продажах. 17.9% прямо указали на отсутствие карьерных перспектив в Бугульме.

Для высокого уровня неопределенности относительно рынка труда, еще более симптоматичным является тот факт, что студенческая молодежь затрудняется ответить (39.4%), возможно ли получать удовлетворяющую и достойную зарплату. Хотя почти пятая часть – 16.8% указали на государственный сектор в качестве возможной сферы для получения удовлетворяющей зарплаты.

Говоря об оценках качества городской среды в Бугульме, то можно сказать, что применительно к инфраструктуре, средняя взвешенная оценка = 6.07 (из 10). Однако, распределение получилось “двугорбым”. Немалая доля невысоких оценок от 1 до 4 (24.2%), а также высоких (28.2%).

Средняя взвешенная оценка внешнего вида города = 6.43. Высокие оценки (от 8 до 10) достигают 35.8%, в то время как низкая (от 1 до 4) составляет 20.5%.

Средняя взвешенная оценка досугово-развлекательной сферы Бугульмы = 5.49. Низкая оценка (от 1 до 4) выбирается в 32.2% случаев. Это полностью согласуется с указанием на отсутствие развлечений как на одну из основных причин миграций.

По мнению бугульминской студенческой молодежи, в городе наблюдается дефицит досуговых заведений. Среди наиболее востребованных заведений – кафе (28.9%), боулинги (26.5%). Высок спрос на рестораны (23.9%), спортзалы (23.5%), а также кинотеатры (21%). Вероятно, особо примечателен тот факт, что затруднились с ответом 24.5% респондентов.

Отдельно стоит описать установки, касающиеся факторов оттока и удержания молодежи. Во-первых, 73.5% признают, что различные социальные связи, родные и близкие в другом городе во многом могут стимулировать мотивацию к миграции. Лишь 7.8% опрошенных респондентов заявили, что не видят никакой связи между данным социальным капиталом и уровнем мотивированности к миграциям.

Во-вторых, опрос подтвердил положение об эффекте удаленности от региональной столицы [5]. Так, 59.1% опрошенной молодежи считает, что высокая удаленность города от столицы Казани во многом усиливает миграции, 33.4% затрудняются ответить на подобный вопрос, и лишь 7.6% заявляют об отсутствии зависимости удаленности города от региональной столицы с уровнем миграций.

В-третьих, 53.6% респондентов согласны с тем, что идеализация мегаполисов в масс-медиа стимулирует молодежные миграции, в то время как 33.4 воздерживаются от ответа на данный вопрос, 13% респондентов отрицают данную связь.

Говоря о конкретных мерах по удержанию молодежи, сформулированных в исследовании, до половины опрошенных оценивают их позитивно. Несмотря на то, что в рамках ранее проведенного качественного исследования с участием экспертов [7], ими были даны, в основном, неоднозначные оценки. На наибольшую необходимость развития цифровой муниципальной инфраструктуры (покрытие доступным интернетом, МФЦ, компьютеризация

школ) указали 52.8% опрошенных. Отрицали необходимость данных мер всего 8.9%. Далее, наиболее востребована среди мер по удержанию молодежи – 50.2% - идея внедрения лидеров мнений в жизнь городов, которая подразумевает буквальное периодическое или постоянное нахождение популярных у молодежи лидеров мнений в средних городах, в целях популяризации и нормализации жизни в таких местах [8], хотя 16.3% заявляют, что данная идея ничего не изменит. Также студенческая молодежь из Бугульмы видит нередко ключ к улучшению ситуации и мер по снижению интенсивности молодежных миграций наличие доступного бесплатного высшего онлайн-образования – 49.1%; развитие коммерческой цифровой инфраструктуры (службы такси, доставки, маркетплейсы) – 44.7%; более частой организации мероприятий от популярных у молодежи персон – 43.9%.

Особо стоит отметить корреляцию в степени удовлетворенности городом и миграционными намерениями. Так, молодежь, которая планирует переезд из Бугульмы, ниже оценивает инфраструктуру, внешний вид, а также досуговую сферу города. В свою очередь, та молодежь, которая планирует остаться, показывает более высокие средневзвешенные оценки указанных выше аспектов.

Показатель	Планирующие уехать	Планирующие остаться	Разница
Инфраструктура	5.57	6.92	-1.35
Внешний вид	5.86	7.27	-1.41
Досуг	4.84	6.47	-1.63

Таблица 2. Отличия средних оценок остающихся и планирующих уехать.

Что касается ключевых сфер для развития города, то по мнению респондентов, прежде всего нужно совершенствовать помощь в трудоустройстве молодежи (50%); затем, сферу образования, с большим количеством специальностей и бюджетных мест (45.9%); далее инфраструктуру спорта с фитнес-залами, бассейнами, катками, мероприятиями (37.2%); и, наконец, внешний вид города (27.8%), а также доступные цены на жилье (26.5%).

Интерпретация результатов: интерпретируя описанные выше данные в ключе методологии Т.Парсонса [2], можно сказать, что в Бугульме как в социальной системе наблюдается структурное напряжение среди студенческой молодежи. Во всей современной российской культуре институализированы ценности достижения. Речь, например, о достижении различных статусов, получения образования, определенного уровня денежных доходов (этот факт и позволяет отнести ряд подсистем к универсалистско-достижительному

стандарту). Однако, ввиду того что рынок труда и образовательные учреждения в Бугульме не способны удовлетворить подобные ожидания акторов, многие имеют миграционные намерения.

Если рассматривать ситуацию через призму теории “Третьей Волны” Э. Тоффлера. [9], совершенно очевидно, что рынок труда Бугульмы во многом до сих пор в своей основе сохраняет структуру индустриальной эпохи (“Второй волны”), ведь вся экономика в основном строится на заводских предприятиях, а не на сфере услуг, креативных кластерах. Экономика Бугульмы – сырьевая, а не постиндустриальная, выстроенная вокруг знаний. Превалирует полная занятость, “от звонка до звонка”, а не гибкий график, гибридная или удаленная занятость. Тоффлер в своей “Третьей волне”, еще в 80х годах прошлого столетия писал, при распаде или утрате своей силы институтов “Второй волны”, люди будут во многом разочарованы и дезинтегрированы, в связи с чем их мобильность будет повышаться в этот переходный период.

Таким образом, для стабилизации социальной системы среднего города, сокращения и предотвращения массовой миграции молодежи необходима, наряду с наличием крепких социальных связей в виде семьи, родственников и друзей, что отмечено опрошенными как серьезный фактор для удержания молодежи (73.5%), значимая социально-экономическая, инновационно-цифровая трансформация его инфраструктуры и среды по образцу “Третьей волны”, для качественной реализации молодыми людьми современной успешно-достижительной модели поведения,

Список литературы

1. Лукьянова, А. Ю. Влияние миграции молодежи на рынок труда / А. Ю. Лукьянова, С. В. Недвижай, С. А. Федорова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 56-60. – EDN OTSSAF.
2. Парсонс Т. О социальных системах/ Под ред В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.:Академический Проект, 2002.-832 с.
3. Кашницкий Илья Савельевич, Мкртчян Никита Владимирович, Лешуков Олег Валерьевич Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. №3. . – С. 169-179.
4. Тузиков, А. Р. Молодежная миграция в Республике Татарстан: опыт социально-демографического портретирования / А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова // Управление устойчивым развитием. – 2022. – № 5(42). – С. 75-80. – DOI

10.55421/2499992X_2022_5_75. – EDN DKUAFL.

5. Швецов, Л. К. Удаленность от столицы и молодежная миграция из средних городов Татарстана / Л. К. Швецов, Ю. Р. Хайруллина // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2025. – № 29. – С. 151-158. – EDN TONOLZ.

6. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2024 г.: Статистический сборник / Татарстанстат – Казань, 2024. – 142с.

7. Швецов, Л. К. Бюджетное высшее онлайн-образование как концепт, способствующий снижению молодежной миграции в малых и средних городах / Л. К. Швецов // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2024. – № 27. – С. 117-121. – EDN FAIQQS.

8. Швецов, Л. К. Роль лидеров мнений в предотвращении миграции молодежи из средних городов Республики Татарстан / Л. К. Швецов, Ю. Р. Хайруллина // XI Дыльновские чтения "Социология и общество: социальные процессы, факторы и механизмы развития" : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 12 февраля 2024 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2024. – С. 152-154. – EDN CCCCWK.

9. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010.-795 с.

STUDENT YOUTH MIGRATION: DRIVERS AND SCENARIOS

SHVETSOV L.K., KHAYRULLINA YU.R.

This study examines the objective and subjective factors influencing the migratory intentions of student youth (aged 14–24) in Bugulma, a mid-sized city in the Republic of Tatarstan. The research aims to identify key drivers and scenarios of youth out-migration while verifying the hypothesis that distance from the regional capital impacts migration intensity. The methodology relies on T. Parsons' structural functionalism to assess universalistic-achievement standards and structural strains, alongside A. Toffler's "Third Wave" theory to analyze the urban environment. Empirical data was collected in 2024–2025 using a mixed-methods approach. The sample (n=1122) strictly adhered to settlement, gender, and age quotas. Results indicate high polarization: 52.5% of respondents intend to leave within 1–3 years, with migratory attitudes most prevalent among females (58.2%) and the 18–24 cohort

(60.3%). Primary drivers for out-migration include employment search (42.1%), self-actualization (41.8%), and education (32.4%), which correlate with labor market uncertainty and a deficit in recreational infrastructure. A clear correlation was found: prospective migrants rate general infrastructure (5.57 vs. 6.92) and leisure facilities (4.84 vs. 6.47) significantly lower than those intending to stay. These findings are applicable to the development of regional human capital retention policies, highlighting demanded interventions such as digital infrastructure development (52.8%), opinion leader integration (50.2%), and online education expansion (49.1%). Ultimately, the study concludes that stabilizing the social system and reducing structural strain necessitates a post-industrial, innovative-digital transformation of mid-sized city infrastructure to support achievement-oriented behavioral models.

Keywords: migration processes, student youth, youth migration, Tatarstan, Bugulma, Third Wave, Second Wave, industrial society, post-industrial society, structural functionalism.

Рецензия на статью

Автор(ы)

Швецов Л.К., Хайруллина Ю.Р.

Название статьи: МИГРАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И СЦЕНАРИИ

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тематика молодежных миграций, человеческого капитала, регионального развития и средних городов напрямую соответствует проблемному полю социально-экономического журнала регионального уровня, нацеленного на анализ демографических и миграционных процессов. Использование данных по Республике Татарстан и акцент на прикладных выводах для региональной политики делают статью особенно релевантной для издания, фокусирующегося на экономике и социальной структуре региона.
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название «Миграции студенческой молодежи: причины и сценарии» точно отражает предмет и содержание статьи: в тексте детально анализируются как причины миграционных установок, так и возможные сценарии оттока/удержания молодежи. При этом авторы последовательно следуют заявленному фокусу на студенческой молодежи среднего города (Бугульмы) и не выходят за рамки заявленной проблематики.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация аккуратно воспроизводит: предмет (факторы, влияющие на миграционные установки молодежи 14–24 лет в Бугульме); цель (выявление причин и сценариев миграций, проверка гипотезы об эффекте удаленности); методологию (структурный функционализм Т. Парсонса и теория «Третьей волны» Э. Тоффлера); основные результаты и область их применения
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы обосновывается через ключевую роль молодежи как человеческого капитала для экономической устойчивости, повышенную мобильность молодежи и возрастающие темпы миграции именно из средних городов. Подчеркнута связь молодежных миграций с устойчивостью

				социальной системы, задачами регионального развития и необходимостью адаптации к структурным изменениям рынка труда.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Авторский обзор опирается на современные российские исследования по влиянию молодежной миграции на рынок труда, межрегиональную миграцию молодежи, молодежную миграцию в Татарстане, а также на классические работы по социологической теории (Парсонс) и концепции постиндустриального общества (Тоффлер). Используются также собственные предыдущие работы авторов по удаленности от столицы, онлайн-образованию и роли лидеров мнений, что демонстрирует встроенность статьи в разрабатываемый ими исследовательский проект
3				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Во введении авторы показывают, как молодежь рассматривается как стратегический ресурс, и связывают тему миграций с универсалистско-достижительными стандартами современного российского общества в рамках структурного функционализма. При этом описывается контекст миграции молодежи в России и Татарстане, включая особенности средних городов и ссылку на более высокие темпы миграций по сравнению с крупными центрами.
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Цель исследования сформулирована ясно: выявить причины и сценарии молодежных миграций в Бугульме и проверить гипотезу об эффекте удаленности от столицы. Хотя задачи не оформлены отдельным списком, по тексту просматриваются: описание миграционных установок студенческой молодежи; анализ причин и факторов оттока/удержания; оценка рынка труда и городской среды; интерпретация результатов в рамках теории Парсонса и Тоффлера. Проблематика сформулирована корректно и последовательно проводится через все разделы статьи.
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Методология описана как комплексная количественно-качественная: авторы указывают, что исследование проводилось в 2024–2025 гг. в средних

				городах Татарстана, выборка n=1122 с соблюдением поселенческих и половозрастных пропорций, использована авторская анкета из 43 вопросов. При этом в данной статье подробно представлены количественные результаты по Бугульме; качественная составляющая (интервью, фокус-группы) упоминается через ссылку на отдельное исследование, но не раскрывается методически
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы опираются на конкретные количественные показатели: доли намеревающихся уехать (52,5%), гендерные и возрастные различия миграционных установок, структуру причин миграции (поиск работы, самореализация, образование), оценки городских инфраструктур и досуга, а также оценку факторов оттока и удержания. Обнаруженная корреляция между удовлетворенностью инфраструктурой/досугом и миграционными намерениями, а также подтверждение гипотезы об эффекте удаленности от столицы, логично вытекают из представленных данных.
4	Научная новизна			
4.1	Оригинальность результатов	да		Оригинальность статьи заключается в эмпирическом анализе миграционных установок студенческой молодежи конкретного среднего города (Бугульмы) с использованием достаточно крупной выборки и сопоставлением оценок городской среды у планирующих уехать и остающихся. Дополнительный элемент новизны — встроенность этих эмпирических данных в теоретическую рамку структурного функционализма и теории «Третьей волны», с выводом о структурном напряжении и индустриальном характере местной экономики.
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Результаты хорошо согласуются с современными исследованиями по молодежной миграции, подтверждая известные тенденции (роль работы, образования, досуга, социальных связей, медийной идеализации мегаполисов), но при этом уточняют их на примере конкретного кейса. Использование классических теорий Парсонса и Тоффлера позволяет интегрировать региональные эмпирические данные в более широкий теоретический дискурс,

				не вступая в противоречие с актуальными подходами
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Явно спорных или статистически необоснованных утверждений в статье не наблюдается; авторы не выходят за рамки своих данных в количественных оценках. Дискуссионным можно считать нормативный вывод о необходимости «инновационно-цифровой трансформации по образцу Третьей волны» как универсального решения, который требует дальнейшей конкретизации и анализа ресурсных ограничений
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Текст написан в научном стиле, с использованием корректной социологической терминологии и ссылок на теоретические источники.
5.2	Доступность изложения	да		Изложение остаётся доступным для широкой профессиональной аудитории: статистические данные представлены в процентах и таблицах, пояснения к ним ясны; теоретические категории Парсонса и Тоффлера объясняются на уровне, понятном аспирантам и молодым исследователям. Введение и интерпретация результатов выстроены логично, что облегчает восприятие связки «данные — теория — выводы»
5.3	Корректность терминологии	да		Используемая терминология («миграционные установки», «структурное напряжение», «универсалистско-достижительные стандарты», «индустриальное/постиндустриальное общество», «социальный капитал») соответствует современным социологическим представлениям и сопровождается ссылками на ключевые источники.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов — рисунков, таблиц, библиографии	да		Объем статьи соответствует стандартной исследовательской работе: присутствуют введение, постановка цели, описание методики, раздел с результатами, интерпретация через выбранные теории и заключительные выводы. Табличный материал (основные причины миграции, различия оценок городской среды между группами) хорошо поддерживает текст, однако можно было бы добавить еще одну таблицу или рисунок, агрегирующую ключевые сценарии удержания молодежи

5.5	Правильность оформления библиографии	да	Список литературы включает как эмпирические исследования молодежной миграции в России и Татарстане, так и фундаментальные теоретические работы (Парсонс, Тоффлер), а также официальную статистику и публикации авторов по смежным темам. Оформление источников в целом единообразно; присутствуют элементы формальных реквизитов (название журнала, год, номер, страницы, DOI/EDN), что соответствует требованиям большинства научных журналов.
6	Оценка статьи		
6.1	Положительные качества	Высокий уровень эмпирической проработки: крупная выборка, четко структурированные результаты, сопоставление разных групп респондентов (по полу, возрасту, миграционным установкам). Сильная теоретическая рамка, позволяющая интерпретировать данные через структурный функционализм и теорию постиндустриального общества. Практическая направленность выводов: конкретные рекомендации по развитию рынка труда, образования, городской инфраструктуры и цифровых сервисов для удержания молодежи.	
6.2	Отрицательные качества	Методологический раздел мог бы содержать более подробное описание инструментов анализа (виды статистических процедур, особенности выборки по Бугульме в составе общего исследования). Нормативные выводы о необходимости «инновационно-цифровой трансформации» сформулированы общо, без обсуждения возможных ограничений и альтернативных сценариев.	
6.3	Замечания и предложения	Расширить раздел «Материалы и методы»: - уточнить долю респондентов из Бугульмы в общей выборке n=1122; - указать тип выборки (вероятностная/квотная) и возможные погрешности; - кратко описать использованные методы статистического анализа (средние, сравнение групп, корреляции и т.п.). Добавить отдельный подпункт о ограничениях исследования: специфика студенческой молодежи, ограничения по времени, возможные эффекты социальной желательности и др.	

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 19.05.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации

ПОЛНЫЙ ЦИКЛ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А., Прыгунова М.И.¹⁰

*ОСП Центр перспективных экономических исследований Академии наук
Республики Татарстан,*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный
научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук*

*Для цитирования: Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А., Прыгунова М.И.
Полный цикл управления отходами в российских мегаполисах: междисциплинарная
объяснительная модель // Электронный экономический вестник Татарстана. 2026. Т. 2. С. 112-
118.*

*В статье представлена авторская междисциплинарная модель анализа
полного цикла управления твердыми коммунальными отходами в российских
мегаполисах на примере кейсов Москвы и Казани. На основе экономического
анализа отрасли и 50 экспертных интервью выявлены ключевые «узлы»
социально-экологического метаболизма, рискогенные точки и барьеры перехода
к циклической экономике. Сформулированы рекомендации для городских
стейкхолдеров.*

¹⁰ Ермолаева Полина Олеговна (polina.ermolaeva@gmail.com), к.социол.н., доцент, заведующая отделом качественных исследований Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан; Ермолаева Юлия Вячеславовна (mistelfrayard@mail.ru), научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; Башева Ольга Александровна (olgabasheva.ru@gmail.com), к.социол.н., старший научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; Прыгунова Мария Игоревна (Mariya.Prigunova@tatar.ru), к.эконом.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан.

Ключевые слова: управление отходами, социально-экологический метаболизм, циклическая экономика, отдельный сбор отходов, российские мегаполисы.

Введение

Производство и утилизация отходов в крупных российских городах представляет собой системное явление, находящееся на пересечении социальных, технологических, экономических и экологических процессов. Растущие объемы твердых коммунальных отходов (ТКО), реформирование отрасли и переход к принципам циклической экономики формируют сложную исследовательскую проблему, требующую междисциплинарного и межатраслевого подхода. Цель настоящей работы — представить авторскую объяснительную модель анализа полного цикла управления отходами в российских мегаполисах и сформулированные на ее основе рекомендации.

Эмпирической базой исследования послужили два кейса крупных российских мегаполисов с прилегающими территориями: Москва и Московская область, а также Казань и Приказанский регион (Зеленодольский район, п. Самосырово). Выбор кейсов обусловлен реализацией на данных территориях мероприятий федеральной программы «Чистая страна» (2017–2025), включая строительство мусоросжигательных заводов (МСЗ) и пилотное внедрение отдельного сбора отходов.

Теоретико-методологические основания

Методологической «точкой сборки» модели является мультипарадигмальный подход, позволяющий выйти за пределы простых причинно-следственных связей и рассмотреть процессы внутри и за пределами системы на разных ее уровнях. Подход сочетает теорию структуризации Э. Гидденса [1], концепцию социально-экологического метаболизма [2; 3] и теории экологического неравенства [4; 5].

Теория структуризации позволяет преодолеть противоречие структуры и агентности: система отходов рассматривается как матрица социальных структур, институтов и смыслов, влияющих на агентов, которые, в свою очередь, воспроизводят и трансформируют эти структуры через повседневные практики. Концепция социально-экологического метаболизма (в трактовке М. Ганди [6]) направлена на выявление сетей и «узлов» метаболизма, интерференция которых

формирует точки высокой рискогенности [3]. Теории среднего уровня — прежде всего подход экологического неравенства [4; 5] — применяются для объяснения процессов внутри подсистем.

Модель структурирована по трем уровням анализа — макро- (государственная политика и дискурс элит), мезо- (нормативы и практики бизнеса, ЖКХ, НКО, ритейла) и микро-уровню (установки и практики населения), — а также по пространственно-временным характеристикам (два кейса в перспективе 2017–2023 гг.). Системность достигается за счет триангуляции: анализа документов, дискурс-анализа СМИ, экономического анализа и экспертных интервью (N=50).

Экономический контекст отрасли

Анализ показал ряд значимых сдвигов в отрасли обращения с отходами. Российский экологический оператор приступил к созданию портала «Цифровой РЭО», расширяется сеть контейнеров для раздельного сбора, появляются фандоматы и новые точки сбора от бизнеса и НКО. Для продвижения циклической экономики предусмотрено строительство восьми экотехнопарков замкнутого цикла — по одному в каждом федеральном округе. В 2022 году заключено 20 концессионных соглашений на 42,4 млрд рублей в 10 регионах [7]. По данным РЭО, в стране не хватает мощностей по утилизации ТКО на 17,6 млн тонн; ввод новых объектов должен дать около 19 тыс. рабочих мест. К маю 2023 года ликвидировано 58 свалок и 74 объекта накопленного вреда [8]. Выручка региональных операторов в 2023 году выросла на 35% по сравнению с 2021 годом и достигла 271,5 млрд рублей [9].

В Москве и Московской области ежегодно образуется около 12 млн тонн отходов. В Подмоскovie созданы десять комплексов по переработке, включая крупнейший в Восточной Европе комплекс «Восток» мощностью 1,2 млн тонн в год, действуют пять МСЗ и ряд предприятий по переработке стекла, пластика и макулатуры [10]. Казань стала одним из первых городов, занявшихся созданием полного цикла обращения с отходами: пилотный проект раздельного сбора, стартовавший в 2018 году со 109 контейнерных площадок, позволил сократить вывоз ТКО на полигоны на 30–35%, а сегодня дуальным сбором оборудовано более 1500 площадок [11]. Вместе с тем сохраняются проблемы ненадлежащего состояния и навигации контейнеров, нехватки инфраструктуры для утилизации специфических отходов; один житель образует в среднем 445 кг отходов в год, из которых 41% приходится на пищевые отходы, 35% — на бумагу и картон [12].

Результаты экспертных интервью

На втором этапе исследования проведено 25 полуформализованных интервью (апрель–июль 2023 г.) с основными группами стейкхолдеров. Анализ жизненного цикла отходов выявил проблемы на каждом этапе. На этапе сбора и сортировки претензии экспертов касаются двух акторов: населения, которое не разделяет отходы должным образом, и региональных операторов, недобросовестно смешивающих отсортированное сырье. Заводы первичной переработки обладают достаточной мощностью, но недозагружены из-за нарушений на первом этапе. На этапе логистики проблемами выступают большие расстояния, удорожающие сырье, и недостаток предприятий глубокой переработки. На завершающем этапе опасные и неликвидные отходы попадают на МСЗ и полигоны; эксперты единодушно считают необходимым сокращение их доли.

Большинство экспертов отмечают обновление инфраструктуры сбора с начала «мусорной» реформы, однако подчеркивают дефицит доверия населения к раздельному сбору из-за ощущения, что отходы из разных баков попадают на один полигон. Перерабатывающая отрасль технологически отстает и сильно зависит от импорта оборудования и сырья, что усугубляется санкционными ограничениями. При этом ряд экспертов видит здесь точку роста — развитие отечественных технологий сортировки и переработки. Практически каждый эксперт возвращается к необходимости формирования культуры обращения с отходами и развития социальных (образовательных, просветительских) технологий наряду с производственными.

В сфере экологических конфликтов в 2023 году новые острые ситуации почти не назывались. По-прежнему актуальны протесты против строительства МСЗ в Подмосковье и под Казанью, проблемы реализации расширенной ответственности производителя (РОП) и роста тарифов на вывоз отходов. Основными причинами конфликтов эксперты называют слабую осведомленность, отсутствие коммуникации между населением и государством, дефицит институционального доверия. В качестве наиболее вероятного сценария развития отрасли большинство экспертов назвали сценарий стагнации.

Основные выводы

Триггерным «узлом», запустившим множество взаимосвязанных метаболических процессов на мезо- и микроуровнях, стало изменение законодательства в сфере обращения с ТКО, а также решения о закрытии

отдельных крупных полигонов без синхронного ввода новых мощностей. Следствием стало появление новой инфраструктуры — государственных и частных предприятий по переработке, формирующих задатки циклической экономики и новые рабочие места, которые пока не институционализированы в силу законодательных и социокультурных причин.

Инфраструктурные несовершенства и отсутствие массовой информационной кампании в сфере раздельного сбора пока не рутинизируют практики населения, а напротив, порождают серию негативных метаболических процессов. Переработка растет медленно: за десять лет общий процент переработки разных фракций увеличился на 3–5%; флагманом отрасли остается макулатурный рынок, тогда как коэффициент извлечения пластиковых и резиносодержащих отходов существенно ниже (10–15%). По статистике, даже после раздельного сбора 80–90% фракций отправляются на свалки [3].

Социально-экологическими последствиями стали систематическое загрязнение сред продуктами распада ТКО и усугубление экологического неравенства между группами горожан, что обостряет социальные конфликты. Экологические протесты в подмосковных городах — донорах отходов столицы — стали наиболее рискогенными узлами городского пространства. С одной стороны, конфликты объединили разнородные социальные группы в единое движение и повысили прозрачность локальных решений (в том числе через цифровые платформы контроля свалок); с другой — перевес ресурсных групп вызвал апатию части гражданских инициатив и усиление патерналистской позиции.

Рекомендации

Успешное закрепление практики раздельного сбора отходов требует объединения усилий населения, власти, бизнеса, НКО и СМИ. Государству совместно с бизнесом и НКО необходимо развивать поддерживающую инфраструктуру — высокоплотную сеть удобных контейнеров, систему поощрений экологически ответственных граждан и санкций для недобросовестных, а также реализовать массовую информационную кампанию. От бизнеса, прежде всего частных операторов, требуется своевременный и добросовестный вывоз отходов; от населения — готовность инвестировать время и ресурсы в практики раздельного сбора, подкрепленная экономическими, юридическими, этическими и самосохранительными мотивами. Приоритет должен отдаваться раздельному сбору и переработке с постепенным отказом от мусоросжигания как основного способа утилизации.

Выражение признательности

Коллектив авторов выражает благодарность Российскому научному фонду, гранту № 22–28–00392 «Производство и утилизация отходов в мегаполисах России: межотраслевой и междисциплинарный анализ» и гранту № 19–78–10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России» за возможность провести полевое исследование и концептуализировать материалы для данной статьи.

Список литературы

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2015.
2. Ермолаева П.О. Социально-экологический метаболизм городов. Казань, 2013.
3. Яницкий О.Н. Социальные движения и социально-экологический метаболизм города // Социологические исследования. 2016.
4. Pellow D.N. The Politics of Illegal Dumping: An Environmental Justice Framework // Qualitative Sociology. 2003.
5. Gonzalez G.A. Urban Sprawl, Global Warming and the Empire of Capital. Albany: SUNY Press, 2010.
6. Gandy M. Rethinking Urban Metabolism: Water, Space and the Modern City // City. 2004. Vol. 8, No. 3.
7. Переработаем: концессионные соглашения в сфере ТКО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/06/26/pererabotaem.html> (дата обращения: 2023).
8. Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Реформа отрасли обращения с отходами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mnr.gov.ru/activity/rno/> (дата обращения: 2023).
9. ФАС России. Документы [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/686123> (дата обращения: 2023).
10. В Подмосковье завершена рекультивация полигонов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/moskovskaya-oblast/14435551> (дата обращения: 2023).
11. Раздельный сбор отходов в Казани [Электронный ресурс]. URL: <https://kzn.ru/prinyat-uchastie/proekty/razdelnyy-sbor/> (дата обращения: 2023).
12. Мусорная реформа: в Казани хотят изменить систему обращения с отходами [Электронный ресурс]. URL:

<https://rt.rbc.ru/tatarstan/23/08/2023/64e609e59a794758f3be183a> (дата обращения: 2023).

THE FULL CYCLE OF WASTE MANAGEMENT IN RUSSIAN METROPOLISES: AN INTERDISCIPLINARY EXPLANATORY MODEL

KABIROV B. R.

ERMOLAEVA P.O., ERMOLAEVA Y.V., BASHEVA O.A., PRYGUNOVA M.I.

The article presents an original interdisciplinary model for analysing the full cycle of municipal solid waste management in Russian metropolises, using the cases of Moscow and Kazan. Drawing on an economic analysis of the industry and 50 expert interviews, the study identifies key nodes of socio-ecological metabolism, risk points and barriers to the transition towards a circular economy. Recommendations for urban stakeholders are formulated.

Keywords: waste management, socio-ecological metabolism, circular economy, separate waste collection, Russian metropolises.

Рецензия на статью

Автор(ы) **Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А., Прыгунова М.И**

Название статьи: **ПОЛНЫЙ ЦИКЛ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ**

№	Критерии оценки качества статьи	Да	Нет	Примечание, рекомендация
1	Соответствия статьи			
1.1	Соответствие статьи профилю сетевого издания	да		Тематика управления отходами, циклической экономики, городской инфраструктуры и социально-экологического метаболизма напрямую связана с устойчивым социально-экономическим развитием регионов, что соответствует профилю журнала.
1.2	Соответствие названия статьи ее содержанию	да		Название адекватно отражает содержание: в статье действительно представлена авторская междисциплинарная модель и показан полный цикл управления ТКО, от экономического контекста до практик населения и экологических конфликтов.
1.3	Соответствие аннотации содержанию статьи	да		Аннотация корректно передаёт: цель (представление авторской междисциплинарной модели полного цикла управления ТКО); эмпирическую базу (экономический анализ отрасли и 50 экспертных интервью); ключевые результаты (выявление «узлов» социально-экологического метаболизма, рискогенных точек и барьеров циклической экономики); наличие рекомендаций для городских стейкхолдеров. Все заявленные элементы раскрываются в тексте; расхождений между аннотацией и содержанием не наблюдается.
2	Актуальность темы			
2.1	Обоснованность актуальности	да		Актуальность темы обоснована через: рост объёмов ТКО в крупных городах; проведение «мусорной реформы» и реализацию программы «Чистая страна»; заявленный переход к принципам циклической экономики и необходимость междисциплинарного анализа процессов производства и утилизации отходов. Отмечается, что управление отходами находится на пересечении социальных, экономических, технологических и экологических процессов, что делает

				проблематику ключевой для городского развития и социальной стабильности.
2.2	Достаточность отражения темы по российским и зарубежным публикациям	да		Теоретико-методологический раздел опирается на: теорию структуризации Э. Гидденса; концепцию социально-экологического метаболизма (в том числе работы Ермолаевой и Яницкого); подходы экологического неравенства (Pellow, Gonzalez) и урбанистические исследования метаболизма города (Gandy). Таким образом, использованы как отечественные, так и зарубежные источники по социологии города, экологическому неравенству и урбанистическому метаболизму; данного уровня обзора для концептуально-эмпирической статьи вполне достаточно.
3				
3.1	Анализ состояния проблемы	да		Авторы демонстрируют глубокое понимание состояния проблематики: описывают реформу отрасли обращения с отходами, инфраструктурные изменения, роль РЭО и развитие экотехнопарков; фиксируют структурные проблемы — дефицит мощностей, слабая переработка, зависимость от импортного оборудования, медленный рост доли переработки. Анализируется также контекст экологических конфликтов вокруг МСЗ, раздельного сбора и тарифной политики
3.2	Корректность сформулированных проблемы и задач	да		Проблема определяется как необходимость объяснительной модели полного цикла управления отходами, позволяющей связать макро-, мезо- и микро-уровни (политика, бизнес/ЖКХ/НКО, население) и выявить рискогенные «узлы» социально-экологического метаболизма. Цель сформулирована явно, задачи (построение модели, анализ экономического контекста, проведение и анализ экспертных интервью, формулировка рекомендаций) имплицитно присутствуют и логично выполняются по структуре статьи.
3.3	Обоснованность применяемых методов исследований	да		Используется мультипарадигмальный подход и методологическая триангуляция:

				анализ документов и статистики (экономический контекст отрасли, данные РЭО, Минприроды, ФАС); дискурс-анализ СМИ; экономический анализ отрасли; 50 экспертных интервью, из которых в статье детально обсуждаются 25 полуформализованных интервью основных стейкхолдеров (апрель–июль 2023 г.). Для междисциплинарного исследования городских систем отходов такой комбинированный набор качественных и аналитических методов представляется обоснованным
3.4	Достоверность выводов	да		Выводы о «узлах» метаболизма, рискогенных точках, низкой эффективности переработки (прирост переработки фракций за 10 лет всего 3–5%, 80–90% фракций попадают на свалки даже после раздельного сбора) и экологическом неравенстве опираются на сочетание статистики и экспертных оценок. Описания конфликтов, дефицита доверия к раздельному сбору и сценария стагнации также соотносятся с приведёнными эмпирическими материалами.
4				
4.1	Оригинальность результатов	да		Новизна заключается в: разработке авторской междисциплинарной объяснительной модели полного цикла управления ТКО в мегаполисах, структурированной по трём уровням (макро, мезо, микро) и двум кейсам; идентификации и описании «узлов» социально-экологического метаболизма и рискогенных точек в российских реалиях (Москва/МО, Казань/Приказанский регион); сочетании теории структуризации, концепции урбанистического метаболизма и подходов экологического неравенства для анализа городской системы отходов.
4.2	Соответствие полученных результатов современным достижениям науки	да		Модель и результаты хорошо вписываются в современную международную повестку по урбанистическому метаболизму, экологическому неравенству и циклической экономике, опираясь на работы Gandy, Pellow, Gonzalez и др. Статья не противоречит существующим теоретическим подходам, а адаптирует их к российским кейсам и дополняет

				эмпирическим материалом по мегаполисам
4.3	Наличие спорных положений		Нет	Явно спорных или методологически уязвимых утверждений не выявляется; авторы аккуратно связывают эмпирические данные с теоретическими рамками, избегая чрезмерно обобщённых количественных выводов. Возможной дискуссионной зоной может быть оценка масштабов влияния отдельных конфликтов и скорости перехода к циклической экономике, однако это скорее поле для дальнейших исследований, чем слабое место статьи
5	Научность изложения			
5.1	Научность языка и стиля	да		Статья написана в корректном академическом стиле: используется развитый социологический и экономический понятийный аппарат, приведены ссылки на теоретические и эмпирические источники, структура текста логична. При описании конфликтов и рекомендаций присутствуют оценочные элементы, но они опираются на данные и не выходят за рамки научного жанра
5.2	Доступность изложения	да		Несмотря на теоретическую насыщенность, текст остаётся доступным для широкого круга специалистов — социологов, экономистов, урбанистов и практиков городской политики. Структура (введение, теоретико-методологические основы, экономический контекст, результаты интервью, выводы, рекомендации) прозрачна, а использование кейсов Москвы и Казани делает изложение наглядным
5.3	Корректность терминологии	да		Термины «социально-экологический метаболизм», «циклическая экономика», «экологическое неравенство», «раздельный сбор», «мусоросжигательные заводы», «метаболические узлы», «рискогенные точки» используются последовательно и в соответствии с современными исследованиями в области социологии окружающей среды и урбанистики. Ключевые понятия закреплены через ссылки на авторитетные источники.
5.4	Обоснованность объема статьи и ее элементов — рисунков, таблиц, библиографии	да		Объём статьи соответствует формату междисциплинарного исследования: краткое, но содержательное изложение теоретической рамки, экономический контекст, качественный анализ и практические рекомендации. При этом

				отсутствуют схемы или графики, визуализирующие предложенную модель и «узлы» метаболизма; их добавление могло бы усилить структурную наглядность
5.5	Правильность оформления библиографии	оформления	да	Список литературы включает классические и современные источники по теории структуризации, социально-экологическому метаболизму, экологическому неравенству и практикам обращения с отходами, а также официальные документы и новостные материалы по реформе отрасли. Оформление источников единообразно, указаны все необходимые реквизиты и URL, что соответствует стандартам научных журналов
6	Оценка статьи			
6.1	Положительные качества		Высокий теоретико-методологический уровень: оригинальная мультипарадигмальная рамка (Гидденс, метаболизм, экологическое неравенство) адаптирована к российским мегаполисам. Богатая эмпирическая база (экономический анализ и 50 экспертных интервью) и чёткое выявление проблем на всех стадиях жизненного цикла отходов. Практическая ориентированность: сформулированы конкретные рекомендации для государства, бизнеса, НКО и населения, в том числе по инфраструктуре, коммуникации и приоритету раздельного сбора над мусоросжиганием.	
6.2	Отрицательные качества		В статье мало количественных данных по самим интервью (распределение по типам экспертов, количественные обобщения ответов), что затрудняет оценку репрезентативности и структуры выборки. Отсутствует визуализация предложенной модели и «узлов» метаболизма, что снижает наглядность сложной теоретической конструкции. Практические рекомендации остаются на достаточно общем уровне и не всегда привязаны к конкретным инструментам политики или нормативным изменениям.	
6.3	Замечания и предложения		Расширить методологический блок, указав: структуру выборки экспертов (по группам стейкхолдеров); основные этапы анализа интервью (кодирование, типы тем, использование программного обеспечения, если было). Добавить хотя бы одну схему/рисунок, визуализирующую межуровневую модель (макро–мезо–микро) и ключевые метаболические «узлы» и рискогенные точки. При формулировании рекомендаций чётче связать предложенные меры с выявленными проблемами и	

		указать возможные индикаторы оценки их эффективности.
--	--	---

Рекомендация к опубликованию (нужное подчеркнуть):

1. **Статья может быть опубликована без научной правки**
2. Статья может быть опубликована с небольшими редакционными поправками
3. Статья может быть опубликована только после внесения исправлений и дополнений без повторного рецензирования
4. Статья нуждается в исправлениях, дополнениях и повторном рецензировании
5. Статью публиковать нецелесообразно

Дата: 03.06.2026

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: статья принята к публикации